

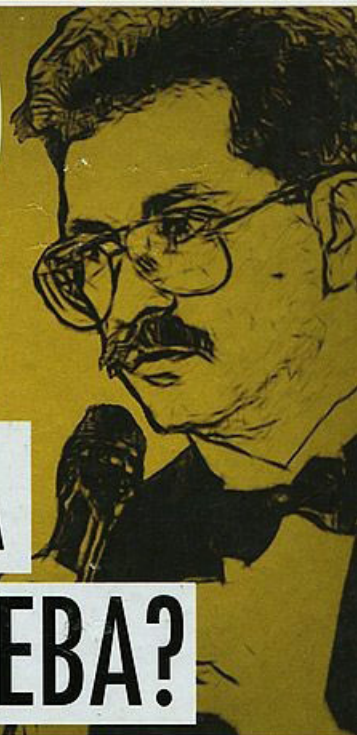
КРЕМЛЕВСКИЙ ТРИЛЛЕР

ЮРИЙ СКУРАТОВ

КТО
УБИЛ

ВЛАДА

ЛИСТЬЕВА?

Юрий Ильич Скуратов

Кто убил Влада Листьева?

Серия «Кремлевский триллер»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27576832

Листьев: Алгоритм, Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-49462-0

Аннотация

Кто убил Влада Листьева? По мнению автора книги, бывшего Генпрокурора РФ Юрия Скуратова, Листьев оказался в эпицентре политических и уголовных разборок. Он стоял поперек горла не только у мафиозных структур, но и у властной государственной верхушки. Его пытались сначала купить, потом – сломать, а когда не удалось ни то, ни другое, его убили. В книге вполне достоверно и убедительно дается ответ на вопрос: кто убил Влада? Однако данная книга – это не строго документальное произведение, и некоторые герои в нем вымышленные. В послесловии Ю. Скуратов пишет: «Следствие по этому делу не закончено, оно продолжается, и по понятным причинам я многого не могу сказать открыто. Потому и выбрал особую форму повествования – жанр романа, где можно было бы совместить подлинное с вымышленным, действительные фамилии с придуманными. Но почти у каждой придуманной есть свой реально существующий прототип».

Содержание

1	5
2	12
3	16
4	26
5	31
6	35
7	40
8	42
9	44
10	45
11	46
12	47
13	58
14	61
15	65
16	67
17	69
18	72
19	73
20	75
21	79
22	83
23	88

24	95
25	98
26	101
27	103
28	107
29	109
30	112
31	115
32	117
33	118
34	123
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Юрий Скуратов Листьев

1

...Ему снился сон из собственной жизни.

Подвал, который ему удалось снять недорого, за небольшую сумму, был теплым – в стенах его с трех сторон проходили отопительные трубы, они и создавали тепло. Влад обрадовался этому подвалу, как царским хоромам.

Другое было худо: ночью, когда он лег спать, то почувствовал, как прямо по нему, по одеялу пробежала крыса. Большая, тяжелая, сытая. Влад даже ощутил запах, исходящий от нее, – это был дух чего-то гнилого, неприятного, тягостного.

Над головой у него болтался шнурок выключателя – грязная деревянная бобышка, привязанная к толстой синтетической бечевке. Влад поспешно потянул бечевку, включил свет. Успел засечь взглядом несколько крупных крыс, устремившихся в одну общую нору – черную выбоину под старой, покрытой облупившейся краской батареей.

Крыс надо было либо выживать отсюда, либо сосуществовать с ними – одно из двух. Влад тогда же, ночью, обследовал стены: нет ли еще каких нор в других местах? Нор не было. Этот факт существенно облегчал задачу.

Утром Влад пошел на ближайшую стройку и приволок оттуда здоровенный, криво «испеченный» кирпич. Молотком расколотил его на несколько частей. Все, теперь крысы вряд ли будут так свободно гулять по его новому жилью.

Ночью крысы появились вновь. Влад поспешно включил свет. Рядом с норой, что он так успешно заколотил кусками кирпича, зияла новая нора. Стало понятно: с крысами надо бороться другими методами. Либо опять-таки – сосуществовать с ними. Он решил сосуществовать.

Однажды он на несколько дней уехал. Когда же вернулся, то увидел, что книги, оставленные на столе, сплошь изгрызаны крысами – ни одной целой книжки не осталось.

Все, мирное сосуществование кончилось, жизнь в подвале вступила в следующую фазу – войны. Влад знал один рецепт, еще покойная бабушка когда-то о нем рассказывала: в муку насыпать алебаstra, смешать и подсунуть эту смертельную смесь крысам. Они наедятся алебастровой муки и задерут вверх лапки. Влад так и сделал.

Мука осталась нетронутой, в большой консервной банке из-под малосоленой атлантической селедки не было ни одного крысиного следа: крысы не хуже Владовой бабушки знали, что такое алебастровая мука.

Фокус не прошел.

Тогда Влад решил применить обычную отраву. Пошел в ЖЭК и взял там кулек отравленной гречихи.

Крысы и от гречихи отвернули свои усатые морды, как ре-

агировать на отраву, они, похоже, знали еще до рождения Влада и уж точно – до своего собственного рождения.

У Влада была склонность к созданию разных технических приспособлений, поэтому он решил взять крыс «техникой». На той же стройке, где он брал кирпичи, раздобыл здоровенное ведро с застывшими на дне остатками цемента, приволок его в подвал, наполовину наполнил водой и поставил перед норой. На край ведра положил палку с заостренным концом и насадил на него кусок соленого сала с заветренной шкуркой. Затем сместил центр рычага и установил палку так, чтобы крыса, добравшаяся до сала, шлепнулась вместе с едой в воду.

Утром, подойдя к ведру, Влад от радости даже захлопал в ладоши: в ведре плавала дохлая крыса. Кусок сала, слетевший с заостренного «противовеса», плавал рядом.

«Все, теперь я с вами, гол-лубчики, поведу разговор на равных. – Влад снова захлопал в ладоши. – Теперь мы посмотрим, кто кого...»

На следующее утро в ведре плавала еще одна крыса. И на третье утро – также одна. Влад нашел способ борьбы с этими неприятными красноглазыми хищницами.

А на четвертое утро ведро оказалось пустым. И на пятое – также пустым. Крысы разгадали фокус Влада и вели себя теперь осторожно, не пытались дотянуться до дразняще-лакомого куса сала. Влад пришел в уныние.

«Что же делать?» Он в задумчивости покусал палец.

Поразмыслив минут двадцать, пришел к выводу, что надо сделать новую попытку – на сей раз призвать на помощь электричество.

Он сконструировал электрическую ловушку: прибил к плоской дощечке металлическую пластинку, подвел к ней медный провод – обеспечил током, как говорят электрики. Затем дощечку прибил гвоздями к фанерке, в двадцати сантиметрах от дощечки вырезал желоб для второго провода и также накрыл его металлической пластинкой. К проводам приделал вилку. Все, электрическая ловушка готова.

На дощечку, как на некий обеденный стол, он положил кусок сала, загнал ловушку в картонный загончик, вырезанный из обувной коробки, и выставил ловушку на видном месте.

Лег спать, не выключая света.

Из норы вылезла большая крыса с темным пятном на лбу, огляделась и, узрев кусок сала, пеньком торчащий на дощечке, проворно направилась к нему. Перед тем как забраться в загончик, застыла, соображая, нет ли там чего-нибудь опасного для нее. Решила, что нет, и, став задними лапами на пластинку, прикрученную к фанерке, носом сунулась к «обеденному» столу.

В следующий миг раздался ее отчаянный визг. Крыса, подобно ловкому прыгуну, взвилась вверх метра на два и опустилась на четыре лапы. Влад думал, что ток убил ее, но крыса была жива, более того – хорошо сориентировалась, раз опустилась на четыре лапы...

Приземлившись, крыса метнулась к норе, промахнулась, ткнувшись головой мимо, отползла чуть назад – использовала «танковый» прием и со второго раза точно впечаталась в черный неровный проем норы, из которой выглядывал кусок кирпича со свежим срезом.

Поскольку Влад спал с зажженным светом и часто просыпался – хотелось удостовериться, хорошо ли действует его ловушка, то крыс в ту ночь больше не засек.

Влад удовлетворенно потер руки. Выходит, крыса предупредила своих сородичей о непонятной опасности, поджидаящей их в теплом подвале.

Но предупреждение, судя по всему, действовало недолго. В следующую ночь из норы вновь вылезла крыса, осторожная, с мордочкой, похожей на головку боевого снаряда, с чутким острым носом и противно шевелящимися усами. Крыса торопливо огляделась, быстро засекла кусок сала, развернулась к нему носом и азартно заработала усами. Усы у нее буквально ощупывали пространство, будто радиоантенны, она пыталась понять: таит в себе опасность этот дразнящий кусок еды или нет? Опасности она не обнаружила и, волоча за собой длинный хвост, поползла к картонному «коралю». Через полминуты крыса с визгом взлетела вверх и шлепнулась на пузо. Некоторое время она неподвижно лежала на полу, потом поползла к норе.

Электрическая ловушка продолжала действовать.

И вновь сутки из норы никто не появлялся. Потом появи-

лась третья крыса, с ней случилось то же самое, что и с первыми двумя. То же самое произошло и с четвертой крысой, и с пятой. А потом крысы исчезли... Похоже, поняли, что бороться с человеком бесполезно.

Но одна крыса не только выдержала удар электрического тока, но и съела сало. Влад удивился: как же так, что за чудище эта усатая хитрюга, не может быть, чтобы она уцелела. А крыса повернула к Владу свою морду и плотоядно улыбнулась. Глаза у нее были красными, светящимися, злобными.

Увидев Влада, она двинулась на него.

– Что ты, что ты, – испуганно замахал Влад руками. – Стой!

Но крысу его окрик не остановил, она, облизываясь, продолжала идти на Влада...

Красные глаза ее сделались огромными. Влад закричал. Но крыса не обратила на это никакого внимания, она продолжала двигаться на человека.

Влад сделал шаг назад, потом другой, третий, четвертый. Ему казалось, что он сумеет уйти от крысы, но крыса неожиданно совершила длинный прыжок и вцепилась Владу зубами в горло.

Боли Влад не ощутил, ощутил другое, и это было пострашнее боли, – когда он пытался оторвать ее от горла, руки его сделались липкими от крови.

Влад замотал головой, засипел дыряво, стиснул пальцами крысу в надежде, что это испугает зверька, но крыса не ото-

рвалась от его глотки, наоборот – вонзила зубы глубже.

Влад понял, что находится на краю гибели: еще несколько минут – и он погибнет. Он вцепился что было мочи в клейкую, окровавленную шкуру крысы, оттягивая ее от своей глотки, но справиться не смог. Он задыхался, погибал... Все, это конец.

В следующее мгновение Влад проснулся.

Он лежал в постели мокрый – вспотел от того, что увидел во сне. На другой половине кровати лежала жена, посапывала тихо и безмятежно. Влад позавидовал ей, хотел было разбудить, но передумал – пожалел. Сердце его билось так, что толчки ощущались не только в ключицах – ощущались даже в висках.

Он закрыл глаза и попробовал снова уснуть. Но сна не было.

Так до утра Влад и не уснул, на работу в Останкино поехал раздраженный, с опухшими глазами, недовольный собою: сегодня запись очередной передачи, а он выглядит, будто постарел на два десятка лет – под глазами противные рыхлые мешки, на лбу морщины, взгляд тусклый. Кроме того, обязательно надо посмотреть также материал для «Беспредела», передачи, которую они решили давать у себя на канале.

Вот жизнь... Тьфу!

2

На работе Влад рассказал своему другу Андрею Зюзбашеву о странном сне, который увидел. Андрей беспечно махнул рукой:

– Не вбивай себе в голову, старик! Сны бывают в руку очень редко. Лучше пойди к врачу и проверь давление. Повышенное или пониженное давление всегда влияет на сон. Влияет даже на качество изображения. При повышенном давлении во сне появляются лишние строки. – Зюзбашев рассмеялся. – А при пониженном изображение расплывается. Веришь в это или нет?

– Верю, – серьезно ответил Влад.

Зюзбашев оборвал смех:

– Не верь! Это вредно для здоровья. Действительно, сходи к врачу... Делай как я сказал.

Влад рассказал о сне секретарше. Та испуганно округлила глаза и всплеснула руками.

– Страшно!

– Ну, не так уж и страшно, – соврал Влад. – Все-таки, к чему этот сон?

Секретарша вновь всплеснула руками и ляпнула, совершенно не подумав:

– К смерти!

Влад побледнел, тряхнул головой и проговорил тусклым,

каким-то чужим голосом:

– Нет!

Глянув на него, секретарша поняла, какую ошибку совершила, улыбнулась кротко – это была одна из лучших ее улыбок, отрепетированных перед зеркалом. Хотела что-то сказать, но нужных слов не нашла – соскочив с языка один раз, они словно бы испарились – улыбка, продержавшись несколько мгновений на губах, также исчезла.

– Нет! – повторил Влад. Лицо его стало еще бледнее, словно он задыхался...

Секретарша проворно соскользнула с кресла, подбежала к холодильнику, стоявшему в углу приемной, выдернула из-за проволочной оградки, прикрученной к массивной дверце, бутылку «нарзана», налила в стакан воды.

Поднесла стакан Владу:

– Выпейте, пожалуйста!

Тот послушно взял стакан в руки.

– Спасибо!

– И не вбивайте себе в голову сны, шеф, – сказала секретарша. – Сны существуют только для того, чтобы предупредить человека об опасности. И не больше. Относитесь к этому спокойно, по-философски.

– Не получается, – выпив воду, жалобным тоном произнес Влад. Протянул стакан секретарше: – Налейте еще.

– Что же касается смерти, то я пошутила, – сказала секретарша, протягивая ему стакан с водой, – это была неудачная

шутка.

– Ничего себе шутка. – В голосе Влада появились горькие нотки. – От таких шуток сердце может остановиться либо в нем образуется дырка.

Он прошел к себе в кабинет, уселся в кресло. Некоторое время сидел молча, не двигаясь, словно прислушиваясь к самому себе, – внутри у него было холодно, все сжалось от какого-то непонятного испуга, который никак не проходил. По его обмякшему, все еще бледному лицу пробежала тень.

Он позвонил жене. Та находилась дома, зевнула в телефонную трубку:

– Ну чего тебе?

– Да сон я дурацкий сегодня видел, – проговорил Влад жалобно, подумал, а надо ли жене рассказывать про сон? Но было уже поздно, и он рассказал ей про крысу, прогрызшую ему во сне горло и убившую его.

– Крыса... Бр-р-р... Это так мерзко, – проговорила жена дрогнувшим голосом. Влад подумал, что голос у нее дрогнул потому, что она сочувствует ему, но на самом деле жена просто боялась крыс.

– Секретарша сказала, что сон этот – к смерти, – произнес он.

– Дура она, твоя секретарша. Возьми и выгони ее, кто тебе мешает?

Действительно, радикальный метод. Но как быть со снами?

Ощущение тревоги, охватившее Влада и цепко пристравшее к нему, не проходило. Он кожей своей, порами чувствовал опасность, только не мог понять, откуда она исходит.

Вечером Владу принесли на просмотр видеоматериал – надо было решить, давать его в эфир или нет.

Это был материал о том, что творится в Москве.

– «Беспредел» – это слово законное, литературное или, так сказать, новодел, рожденный улицей? – спросил Влад у Зюзбашева, усаживаясь поудобнее в кресле, – предстояло провести полтора просмотрowych часа в небольшом, пахнущем старой известкой зальчике. В зале этом, как и во многих просмотрowych комнатах в Останкино, была такая слабая вентиляция, что, кажется, ее не было вовсе.

Зюзбашев уселся в кресло рядом с Владом.

– Если бы это слово было рождено улицей! – Он усмехнулся. – Не-ет. Это лагерное слово, появилось еще в сталинскую пору, в лагерях, где-то в конце сороковых годов.

– Странно. А звучит очень современно. Как будто бы только вчера его подобрал на улице какой-нибудь длинноволосый лох, сутками вшивающийся около «Макдональдса», и пустил в оборот.

– Очень хочется выпить, – перевел разговор в другое русло Зюзбашев. – Ты не хочешь выпить?

– Хочу.

– Давай я принесу бутылку виски в зал.

– Не надо.

– Почему?

– Я за рулем.

– Тогда я выпью один.

– Запрещаю, – сказал Влад.

– Почему? – удивился Зюзбашев.

– Кругом подчиненные. При подчиненных пить нельзя.

Понял?

Зюзбашев неверяще тряхнул головой:

– Влад, ты ли это?

– Я!

– Еще вчера ты не был таким. Сегодня в тебе появилось что-то «совковое».

– А не все в «совке» было так уж и плохо.

– Глазам своим не верю, Влад. И это говоришь ты, признанный демократ?

– Это говорю я, – сказал Влад и, повернувшись к видеоинженеру – полной женщине с лихими усиками, выросшими над верхней губой, махнул рукой: включай, мол, агрегат.

В душном зальчике погас свет.

На экране появилась отрезанная мужская голова. Остекленевшие, тускло сосредоточившиеся на чем-то неведомом темные глаза смотрели в упор на Влада: он невольно вздрогнул, вжался крестцом в сиденье кресла, пробормотал сипло, словно не верил тому, что видел:

– Что это?

В зале неслышно возник режиссер – гибкий человек со

скользким взглядом, обладавший невесомой поступью разведчика либо траппера – опытного охотника, он всегда появлялся невидимо и неслышимо.

– Голова неопознанного гражданина. Позавчера ночью милиционеры нашли прямо под стенами Кремля, в Александровском саду, в мешке.

– А где... Где все остальное? Руки, ноги, торс?

– Тело ищут. Пока не отыскали. Но каков взгляд у головы, а? Правда впечатляет? – Режиссер еще что-то продолжал говорить, но Влад уже не слышал его, уши словно бы забило пробками, был слышен только странный внутренний звон, то усиливающийся, то затихающий.

Он закрыл глаза и махнул рукой.

– С этим все понятно. Страшные кадры. Давайте дальше.

– Дальше – обычная расчлененка. Если с отрубленной мужской головой – полная творческая ясность, то... – Режиссер так и произнес «полная творческая ясность». Влад, к которому эти слова все-таки пробились сквозь вату, не дал режиссеру договорить и недоуменно повернул к нему голову:

– Не понял.

Режиссер азартно взмахнул рукой.

– С этой головой я могу сочинить такую развесистую клюкву, такую романтическую историю, что любая баба Маня реветь будет, как корова. А расчлененка – это что... Это обычные кассеты с мусором.

На экране возникли туго набитые хозяйственные сумки – мятые, обтерханные, со старыми разъезжающимися молниями... Вот чьи-то красные набухшие руки расстегнули молнию на одной из сумок – обнажилось нутро, прикрытое газетой. Затем невидимый человек пальцем приподнял край газеты. Под газетой было мясо, обыкновенное мясо, много мяса, килограммов сорок.

– Что это? – спросил Влад.

– Я же сказал – расчлененка. – Режиссер улыбался. У него было лицо человека, очень довольного жизнью. – Разделанный на куски человек.

У Влада невольно, сами по себе передернулись плечи. Он не стал больше ничего спрашивать у режиссера. Зюзбашев заметил нервное состояние Влада, скосил на него взгляд.

– Не дергайся, старик. Это – обычная бытовуха, которой сейчас полон каждый московский квартал.

Невидимый человек извлек из сумки большой кусок мяса, развернул его. Это оказалась часть женской грудной клетки.

– Чье это тело, установлено? – спросил у режиссера Зюзбашев.

– Да. – Режиссер порылся в кармане, достал маленький дамский блокнотик. – Это... это Мумкина Елена Сергеевна, двадцати двух лет, официантка кафе «Дядя Саша». Ее прямо в кафе сняли двое кавказцев и увезли к себе на квартиру. Там что-то не поделили и разделали... Вон как ловко бабенку разрубили. – Режиссер мелко, как-то скрипуче, будто

птица, рассмеялся. – Один из кавказцев, как оказалось, работал раньше в мясном отделе гастронома.

– А сейчас где работает?

– На Савеловском рынке, тоже мясником.

– Картина ясная, – сказал Зюзбашев и скомандовал: – Давайте следующий сюжет. – Наклонился к Владу: – Или ты хочешь смотреть это дальше?

Влад отрицательно качнул головой:

– Нет, не хочу.

– Следующий сюжет – также расчлененка, – прежним веселым голосом произнес режиссер. – В лесопарке «Битцево» нашли два мужских тела. Кусками были зарыты в различных местах парка.

На экране возникла длинноносая, остроухая овчарка, торопливо перебегающая от куста к кусту. Вот она остановилась у одного из кустов и, задрав голову, завывала. Тотчас в землю вонзилась лопата. Микрофон находился рядом с лопатой – очень скоро скрежет ее сделался нестерпимым.

– Уберите звук! – неожиданно вскинувшись в своем кресле, закричал Влад.

Звук убрали. Вскоре из земли был извлечен большой полиэтиленовый пакет. На сгибе полиэтилен разошелся, и в разрыв высунулась рука со скрюченными пальцами. На одном поблескивал перстень. Убийцы его даже не сняли.

– Это что, бандитская разборка? – спросил Зюзбашев.

– Она самая, – сказал режиссер.

– Кто с кем разбирался?

– Банда вора в законе по кличке Хозяин с какими-то мелкими отморозками, по ошибке забравшимися в чужую машину.

– Так ли это? Отморозки золотые перстни не носят.

– Смотря какие отморозки. Среди них встречаются и так называемые крупняки. А в основном это – да, действительно, обычные отморозки.

Из-под другого куста, около которого также исполнила свою традиционную песню овчарка, вытащили еще один полиэтиленовый пакет, перевязанный проволокой. Затем в камеру заинтересованно глянула овчарка, исчезла, и перед глазами предстал полиэтиленовый пакет, уже развернутый. На пленке, к которой прилипли кровавые сгустки, лежал обрубок человеческого тела, отсеченный снизу по колени, сверху – по край грудной клетки. В том, что это был мужчина, можно было не сомневаться – мужское достоинство присутствовало, топорщилось на трупе, было выставлено напоказ, словно паспорт при переходе примерного гражданина через границу.

Влад закрыл глаза и покрутил головой – ему показалось, что от увиденного его сейчас вырвет.

– Следующий сюжет! – скомандовал Зюзбашев.

Изображение на экране на мгновение остановилось, потом, рассеченное несколькими дрожащими горизонтальными строчками, потекло вверх. Когда экран замер, на Влада

в упор глянули глаза еще одного убитого человека – застывшие в ужасе и одновременно – в некоем укоре, остекленевшие, с яркими световыми бликами, очень похожими на два жарких костерка, прилипших к белкам...

– Бр-р! – передернул плечами Зюзбашев. – Кто это?

Режиссер оглянулся на Влада – тот молчал, и тогда режиссер шустро зашуровал пальцами по листкам своего блокнота.

– Это банкир, – сказал он. – Был похищен из дома в канун католического Рождества – 24 декабря 1994 года. Его пытали, – сказал режиссер и умолк...

Камера отодвинулась от замученного человека на несколько метров. Руки у банкира были связаны проволокой и притянуты к отопительной батарее – мощной, чугунной, старого образца.

– А это чья работа? – спросил Зюзбашев.

– Того же человека – Хозяина. Хозяин на нынешний день самый крупный авторитет в Москве. Под его крышей – банки, казино, отели, бензозаправки.

– Немало, – произнес Зюзбашев, и посмотрел на Влада.

Тот молчал, смотрел на экран с отсутствующим видом. Рот у него приоткрылся, из уголка вытекла маленькая струйка слюны. Зюзбашев нехорошо поразился тому, что увидел: Влад сейчас был похож на мертвеца.

– Ну и почему бы не скрутить этому Хозяину руки за спиной, да не выволочь его за ушко на солнышко? – спросил

Зюзбашев.

– А кто это делает? Милиция? Она из его рук кормится. Госбезопасность? Нет такой структуры, она разрушена. Армия? Во-первых, у армии другие задачи, во-вторых, армию бьют сегодня все кому ни лень – авторитет потерян окончательно, армии бы самой сейчас уцелеть...

– Зачем армия? Есть властные структуры. Стоит один раз нажать на кнопку – и Хозяина не будет.

– Зачем? Власть тоже кормится из его рук. Хозяин бессмертен, авторитет его в Москве незыблем, его можно сравнить с мэром и премьер-министром, вместе взятыми. Может быть, он ниже авторитета президента, и это понятно, почему, но ниже очень ненамного.

– Так что же, выходит, мы бессильны перед бандитами?

– Абсолютно бессильны.

– Почему это происходит?

– Потому, что бандиты пришли к власти, – довольно жестко произнес режиссер.

Зюзбашев внимательно посмотрел на него. Если двадцать минут назад режиссер производил впечатление человека, готового юлить, пресмыкаться, делать гибкие телодвижения, соглашаться с любой чужой точкой зрения, своей же собственной не иметь вовсе, то сейчас он такого впечатления не производил.

– Что требовали бандиты от этого банкира?

– Миллион долларов выкупа.

– Не отдал?

– Как видите.

Камера тем временем показала крупным планом живот банкира, там виднелся треугольный вздувшийся след – ожог от утюга. Затем показали руки банкира, пальцы. На правой руке, на всех пяти пальцах, из-под ногтей торчали булавки, которыми обычно бывают скреплены новые рубашки.

– Кем был раньше этот человек?

– Афганец. Прошел Афганистан.

– Потому и не выдал Хозяину ничего. Эти ребята крепкие.

Влад молча смотрел в глаза смерти, смерть с экрана смотрела на него. Внутри у Влада поселился холод, который не проходил. Он хотел услышать стук собственного сердца, но сердце замерло, оно совершенно не ощущалось.

Владу показалось, что глаза замученного афганца ожили, в них мелькнуло что-то горькое, недоуменное – мелькнуло и исчезло, глаза вновь стали мертвыми.

– Все, хватит! – Влад резко оттолкнулся от кресла, поднялся. – Включите свет!

В зале загорелся свет. Владу показалось, что здесь сейчас пахнет не известковой пылью, а кровью – запахом крови после этой пленки пропиталось все: стены, пол, кресла, экран, аппаратура, за которой сидела усатая видеоинженерша.

– Ну что, будем делать передачу? – спросил режиссер.

– Нет, – резко ответил Влад.

– Жаль. Не будем ли мы походить в таком разе на страуса,

прячущего голову в песок? В Москве ныне льется столько крови, а мы ее не замечаем... А?

– На этой пленке сфокусирован сгусток крови, собранный в разных местах Москвы. Но Москва-то – большая. Кровь, раскиданная по крупным пространствам, незаметна. Не будем пугать жителей.

Влад сам не знал, что говорил... Он явно находился сегодня не в своей тарелке.

Весна 1995 года выдалась в Москве неровной – то вдруг проглядывало солнце, решительно раздвигало облака, и небо делалось безмятежно голубым, южным, звонким, вызывало радость, то вдруг облака смыкались, закрывали солнце, и тогда воздух серел, густел, словно наполнялся пороховой копотью, город становился блеклым, угрюмым. И на душе у людей делалось темно и угрюмо – никакого просвета.

Самое плохое – не непогода, ее можно пережить, ибо на смену хмари обязательно придет звонкое южное солнце, которое в начале марта пахнет то ли яблоками, то ли апельсинами и рождает в душе ощущение приподнятости. Самое плохое то, что люди потеряли уверенность в себе. Будто под ногами у них поплыла земля, еще немного и она вообще расползется – и тогда останется один путь – нырять с головой в эту схожую с болотом муть. А удастся ли выбраться из этого болота – никто не знает.

В Москве появились нищие, много нищих. Раньше в Белокаменной их столько не было. А сейчас, кажется, они сползли сюда со всей России. Выглядели нищие очень убого, просто скорбно на фоне хорошеющей, нарядно украшенной, сплошь в заморских вывесках и иностранных надписях Москве.

Москва украшалась, жирела, на улицах много инома-

рок. Иностранные легковушки уже задавили наши скромные «Жигули» и «Москвичи», куда ни глянь, взгляд обязательно упрется в «опель» или «БМВ». Появилось много банковских вывесок. Столица, где останавливались заводы, обзаводилась собственными банками, аккуратными клерками, которые тихими безмолвными кучками высыпали на асфальтовые площади, чтобы выкурить по заморской сигарете – соблюдали дисциплину, установленную новыми русскими. Каждый день таких банков рождалось едва ли не по десятку. Они возникали, чтобы через короткое время сгореть. Ну а уж разных офисов, магазинов, торговых центров, которые старожилы, опечаленные столь стремительным собственным обнищанием, звали не совсем культурно «шопингами» или «жопингами» (от слова «шоп»), палаток, рынков развелось вообще бесчисленное количество.

Происходило расслоение общества: одни стремительно скатывались в нищету, в пропасть, другие так же стремительно поднимались на вершину богатства и долларами, которые они раньше видели лишь на картинках, теперь чистили зубы.

Георгий Вельский, однозвездный прокурорский генерал, директор отраслевого института, наблюдал однажды в самолете довольно показательную картину, когда летел в Свердловск, ставший, согласно веянию времени, Екатеринбург, хотя сама область так и осталась Свердловской. Самолет, небольшой «ТУ-134» был полным. Впереди, в двух рядах от Вельского, сидела шумная компания плечистых, с подстри-

женными затылками молодых людей, наряженных в красные и малиновые пиджаки. Упитанные ребята вели себя шумно. Под скромный обед достали литровую бутылочку виски «Балантайз». За первой бутылкой последовала другая, и в результате оказалось, что на каждого пришлось не менее трехсот граммов крепкого напитка. Шума стало больше, слышались крики, гогот, матерщина. Но вот что интересно – никто из пассажиров не протестовал. Все-таки странно устроен человек: приучай его к высоте не приучай – он все равно будет бояться высоты, бояться летать на самолете (если он, конечно, не пилот): всякие сбои в моторе, металлические звуки пугают его, а человеческие голоса, шум, пьяный гогот, увы, успокаивают. Такова наша натура, наша физиология. «Гомо сапиенс» – существо уязвимое.

Один из шумных парней поднялся, потянулся с подвывом – было слышно, как у него сладко захрустели кости. Сыто улыбаясь, он повернулся лицом к пассажирам, затем раскочерячился в проходе, уперев один локоть в кресло справа, другой – в кресло слева, достал из кармана новенькую столондаровую хрустящую купюру, сложил пополам и начал ковыряться ею в зубах. Перед всем самолетом, стоя лицом к пассажирам.

Это было не просто ковыряние, это было демонстративное ковыряние, богатый человек высказывал свое «фэ» публике – он богат, а публика бедна. Вельского даже передернуло. Он взгляделся в лицо парня – ни-че-го особенного, па-

рень как парень, с широким лоснящимся лицом, влажными губами и маленькими, лишенными блеска глазами – обычный рабоче-крестьянский сын.

А молодой человек выковыривал из зубов мелкие кусочки колбасы, волоконца мяса, поддевал их ногтем и отправлял обратно в рот. Он был доволен собою.

Вельскому почему-то стало стыдно. Он постарался взять себя в руки, отвернулся к иллюминатору. «В общем-то, парень этот, – подумал Вельский, – типичный представитель России постперестроечной поры».

Когда в восемьдесят пятом началась перестройка, этому деятелю было лет десять – двенадцать, сейчас двадцать пять, а он уже все познал, освоил жизнь, он уже не ждет от нее никаких открытий, он желает сидеть на мешке с деньгами, как на верблюде, и погонять его плеткой. Ни образования, ни культуры, ни благородства ему не надо, все это для перестроечного переростка ныне лишнее. Сегодня эти ребята за двести долларов могут убить кого угодно, молотком припечатать любую старушку, только закажи, выдай молоток и оплати аванс... Впрочем, этот рабоче-крестьянский сын уже поднялся на новую ступень своего развития, у него квалификация повыше, чем у простого молоточника.

Ну откуда взялись эти люди, из каких щелей повыползали? Не было у Вельского ответа. С другой стороны, ответ был прост как Божий день. Страна избавилась не только от своего величия, от своих территорий и своей идеологии, она из-

бавилась даже от забот о завтрашнем дне, о людях, о тех, кто подрастает и будет жить в этой стране завтра. В результате выросли краснопиджачные быки. Как только они вскарабкаются повыше, то покажут всем остальным, где раки зимуют.

Не коснется это только маленького государства под названием Барвиха. Туда быкам не проникнуть.

Появились проститутки, много проституток. Раньше их не было...

Влад неспешно крутил руль своей машины. Под колеса то и дело попадала твердая ледяная крошка, громко трескалась, Влад морщился, ему казалось, что острый осколок сейчас всадится в шину, будто гвоздь, проткнет ее, и тогда... В общем, ему очень не хотелось выбираться из кабины наружу и менять колесо.

Конечно, его сразу узнают, обязательно остановится пара машин рядом, и ему помогут сменить колесо. Но сейчас Влад ни с кем не хотел общаться. Он чувствовал себя неугодно, неудобно как-то. С чем можно сравнить это внутреннее неудобство? Так неудобно, не по себе бывает человеку, когда ему под рубашку неожиданно заберется пара муравьев – весь извертишься, издергаешься, изойдешь матом, пока их не поймаешь... Так чувствовал себя сейчас и популярный телеведущий.

Может быть, тело само чувствует беду, то, чего не чувствует его мозг? И оттого ему так не по себе, так неугодно?

Влад поморщился, помял пальцами усы, проводил взглядом двух проституток, сунувшихся было под машину, но тут же отступивших назад, усмехнулся – разве можно было представить себе еще четыре года назад, что Москва так переполнится проститутками.

И кого тут только нет – попадают даже черные шоко-

ладки из Нигерии.

Он подъезжал к дому.

Чем ближе подъезжал, тем сильнее на него наваливалась усталость: руки тяжелели, ноги тоже наливались тяжестью, кожа немела, колени – хоть иголками коли – ничего не чувствуют. Усталость, это все усталость.

Даже когда он готовил телевизионные передачи, ставшие популярными – настолько популярными что невозможно было показаться на улице, мигом обступали люди, требовали автограф, просили помочь (если просьбы были несложные, он помогал, если возникало что-то серьезное – не брался за это, если в руки давали бумаги – переправлял куда надо), так не уставал. А сейчас начал уставать.

Кстати, о просьбах. Поскольку Влада не только узнавали, но и любили, очень часто лишь одной его подписи было достаточно, чтобы человеку оказали помощь. И это вызывало в нем некую гордость, вполне законную: там, где другие оказывались бессильны, имя Влада помогало.

Узнавая об этом, он довольно крутил головой и, вытирая рукою усы, говорил:

– Хорошо!

У него было очень доброе лицо. Влад это знал. Если бы кто-нибудь выдумал, скажем, «эликсир доброты», то на этикетке можно было бы смело поместить портрет Влада.

Вдоль всей Новокузнецкой улицы стояли машины, и слева и справа, машин теснилось много, некоторые были завалены

снегом по самые боковые стекла. Снег на них уже потемнел, сделался каким-то дряблым, словно мыши в нем понаделали ходов, — эти машины стоят здесь с осени. Скоро центр задохнется от их безмерного количества.

Хотелось выпить. В бардачке лежала небольшая никелированная фляжка с коньяком. Входило в нее всего ничего, граммов сто пятьдесят, но для того, чтобы согреться, этого вполне хватало. Влад протянул руку к бардачку, но одернул себя — лучше выпить дома, с женой.

Откуда-то сверху на машину шлепнулся большой кусок снега. Удар прозвучал будто выстрел. Влад вздрогнул, глянул влево, потом вправо, ничего не увидел. Подумал о том, что есть в этом ударе что-то символическое, предупреждающее, зловещее. Не удержался, невольно втянул голову в плечи.

Жить ныне стало страшно. Он вспомнил пленку, которую с Зюзбашевым смотрели в Останкино. Раньше, при Брежнев, о которого вытерли ноги почти все журналисты, проповедовавшие демократию — не занимались этим только ленивые да бездарные, — жить было просто: ни тебе стрельбы, ни тебе взрывов. Если в Москве раздавался хотя бы один выстрел, то на ноги ставили всю столичную милицию — не просто ставили, а переводили на казарменное положение. Вертушка у начальника управления внутренних дел раскалялась докрасна, каждые пятнадцать минут он докладывал наверх, чуть ли не самому Брежневу, как идет расследование и найден ли тот, кто стрелял.

Сейчас же стреляют из каждого сугроба, и никому до этого нет дела, пистолет приравнен к рогатке, считается такой же безобидной безделушкой. Бьют уже из автоматов, гранатометов, и, надо полагать, наготове уже пулеметы и орудия. Брежневское время, преданное анафеме, вспоминается уже как безмятежное, едва ли не счастливое. Эх, жизнь!

Влад подъехал к арке, нажал на педаль тормоза. Под колеса попала наледь, машина заюзила. Влад переключил скорость, прикинул, впишется в арку или нет, получалось, что впишется, но впритирку, тютельница в тютельку, опасно. Подавать назад не стал, покруче выкрутил руль и чуть придавил педаль газа.

Дом надвинулся на него мрачной темной громадиной. Владу сделалось неприятно, он подумал, что пора бы разобраться в себе, понять, откуда исходит угроза, и тогда ему сделается легче...

Впрочем, он догадывался, откуда исходит эта угроза.

В доме Влада находились трое: жена Алина, ее подруга, занимавшаяся строительством их загородного дома, поскольку ни сам Влад, ни Алина не имели ни времени, ни сил заниматься этим, поэтому им и пришлось нанять «родного человечка» Инну Кузакову, чтобы она вела эту стройку, тем более у Инны и образование имелось подходящее – инженерное; третий гость, неуклюже топтавшийся у входа с вязаной спортивной шапочкой в руках, был прораб Шутин. Он собирался уходить. В доме Влада прораб чувствовал себя неудобно – слишком тут было роскошно, дорого, даже воздух и тот был какой-то дорогой. Шутин никогда бы не стал делать ремонт в этой квартире, слишком она хороша, но Алина решила – ремонт нужен и делать его будет он, Шутин... Шутин в ответ только развел руками: он человек маленький, если хозяйка считает, что нужен ремонт, значит, так тому и быть.

Загородный дом Влада в деревне Подушкино был уже почти закончен, остались только небольшие доделки, в основном по части декора. Так что скоро семья Влада переедет туда. Естественно, отпразднует новоселье.

– Ну, все... Я пошел, – сказал прораб, натягивая на голову вязаную шапочку, – мы обо всем договорились.

– Кажется, да... договорились, – рассеянно бросила жена Влада, – денег не жалейте. То, что посчитаете нужным ку-

пить из материалов, то и покупайте.

– Конечно-конечно, – поспешно закивал головой прораб, разом делаясь похожим на птицу, – я понимаю – все должно быть самое лучшее.

Внизу прораба ждали два его товарища-строителя, в квартиру Влада прораб их с собою не взял. Косточки от холода у них наверняка уже стали звонкими, как у музыкального инструмента под названием ксилофон, и поют косточки от малейшего прикосновения. Вот уж, наверное, чертыхаются ребята, вот уж ругают своего шефа...

А с другой стороны, и торопиться нельзя: ремонт и стройка – дело по нынешним временам денежное, прибыль дает хорошую, тут промахнуться не могли, поспешишь – людей насмешишь. Поэтому Шутин и вел себя так нерешительно, не только «блеск и величие» квартиры популярного Влада влияли на него.

– Ну, все, – сказал он, берясь за ручку двери. На лице Шутина было написано нетерпение.

– Все, – разрешающе кивнула Алина, бросила взгляд на часы, висевшие в прихожей над зеркалом, – скоро должен появиться Влад. Он уже звонил с дороги, сказал, что едет. В девять часов вечера наверняка будет дома. – Все, – повторила она и отпустила прораба.

Тот кубарем скатился по лестнице, вывалился на улицу, к своим подопечным.

– Не ругайтесь, мужики, – проговорил он просяще и од-

новременно напористо, поднял обе руки, словно солдат, сдающийся в плен. – Заморозил я вас не по своей, как вы сами понимаете, вине.

– Звон по всему телу идет!

– Вы заслужили по стопочке водки. С хорошим бутербродом. Поехали в одно теплое местечко, я знаю... Там согремся.

С машиной Влада они разминулись буквально в несколько десятков секунд, всего полторы сотни метров разделяло их. Влад видел машину прораба, прораб видел машину Влада, но ни один, ни второй не обратили друг на друга внимания.

Влад поставил машину в углу двора, имелось у него там свое место, нажал на кнопку в пластмассовом брике-тике-пульте сигнализации – запорные электронные механизмы отозвались щелканьем, затем сильным гудом. Влад проверил двери – все ли закрыты? Он привык все делать обстоятельно, это было заложено у него в крови. Двери были закрыты, Влад устало кивнул, подхватил портфель и глянул вверх.

Небо было низкое, холодное, колющее. Между пороховыми сгустками облаков проглядывали клочки черного неба – влажно поблескивающие, украшенные мелкой неяркой россыпью звезд. Весна до звезд еще не добралась – они были зимними. Да и до людей весна тоже еще не добралась – по старому календарю пока стояла зима.

В лицо ударил холодный ветер, опалил кожу, и Влад поспешил нырнуть в подъезд.

Он успел сделать лишь несколько шагов по лестнице, как навстречу ему по ступенькам стремительно скатился человек. Лицо у него было жестким, плоским, каким-то мстительным. Одет неприметно – станешь потом вспоминать – ни за что не вспомнишь. На голове – черная вязаная шапочка, именуемая спортивной, а на самом деле – обычный головной убор, превращающий человека в фантомаса – этакое существо без рода, без племени, без имени, без лица.

За первым парнем вплотную, почти сливаясь с ним, спустился второй, такой же безликий, в такой же одежде и шапочке, из породы «невидимок» – людей, которых никогда не вспомнишь.

Первый сунул руку за пазуху, выдернул пистолет с длинным стволом, направил его на Влада. У Влада в горле мигом вспух твердый комок, закупорил глотку, нечем стало дышать. Он хотел выкрикнуть что-то протестующее, но голос застрял, жар обварил Владу лицо, прежде чем ствол пистолета дернулся вверх, посылая в него пулю.

Раздался выстрел.

Влад не услышал его. Только увидел, как удлиненный черный ствол окрасился красным – в зрачке его будто бы широким бутоном распустилась роза, вспухла огнисто, показалась яркая белесая середка, и Влад почувствовал, как тело его оторвалось от земли – удар пули был очень сильным.

Следом на курок нажал второй парень.

Стреляли профессионалы, им не надо было тратить мно-

го пуль, эти люди знали, что каждая обязательно попадет в цель.

Влад упал уже мертвым, изо рта у него выбрызнула кровь, быстро растеклась на полу около головы, тонкой струйкой устремилась к отопительной батарее.

– Готов, – констатировал первый парень, ухватил пальцами край черной шапочки, натянул ее на нос. – Вперед!

– Контрольный выстрел делать не будем?

– Зачем? Только лишний шум. В своей работе я уверен. Пошли отсюда! – Киллер оглянулся на двери – не высунется ли кто из квартир, но не раздалось ни одного шороха, все двери словно намертво приклеились к дверным проемам, – и, нехорошо усмехнувшись, перепрыгнул через тело Влада.

Его напарник поспешил следом.

Раньше на всякий стук-бряк обязательно кто-нибудь вылезал из своей квартиры и при этом не забывал выдернуть из жилетки удостоверение члена какого-нибудь родительского совета либо редактора стенной газеты, из другой квартиры также кто-нибудь показывался, бросался на помощь настырному доброхоту и начинался форменный допрос: кто да что? А сейчас никому дела нет до происходящего: человека положили на пол с двумя пулями в теле, и как будто бы так и надо.

Первый киллер вновь усмехнулся – хорошее время для плодотворной работенки настало. Всю Москву можно уложить, и никто не почешется.

Через несколько секунд они покинули двор.

Тем временем подруга Алины собралась уходить.

– погоди, – начала уговаривать ее Алина, – не уходи. Сейчас Влад приедет, вместе поужинаем. Он скоро будет, уже должен быть здесь, где-то рядом находится... может, в пробке застрял. Либо машину во дворе ставит.

– Нет-нет. Ужин – дело долгое. Тогда я от тебя до двенадцати ночи не уйду. – Инна начала одеваться.

– Тебе помочь?

– Ты же не мужчина, чтобы помогать женщине накинуть на плечи шубейку.

– Подать пальто – это, Инна, закон старых московских домов. Когда к Станиславскому приходили заниматься студенты, он, провожая, обязательно подавал в прихожей пальто всем без исключения, даже самому распоследнему, самому рассопливому студенту. Сам. – Алина подняла указательный палец. – Лично!

Инна засмеялась.

– Сейчас ты очень похожа на великого Станиславского. – Она так же, как и Алина, подняла указательный палец и, продолжая смеяться, выскользнула за дверь.

На лестничных ступеньках увидела лежащего мужчину и брезгливо сморщила нос:

– И здесь пьяные, могли бы хоть не валяться. Вот алкого-

лики! По всей России одни алкоголики, алкоголики, алкоголики... – Она вдруг умолкла, словно споткнулась обо что-то, присела на корточки перед лежавшим человеком и невяжущее прошептала: – Влад?

Пальцами коснулась головы Влада, потом тронула портфель, лежащий рядом, отдернула руку и закричала на весь подъезд, громко, визгливо:

– Вла-а-ад!

Крик ее в несколько мгновений сделался сырым, словно бы наполнился слезами.

Времени было пять минут десятого вечера.

Оперативная бригада немедленно выехала на место убийства. На том месте, где лежал Влад, были обнаружены «следы бурой жидкости» – такую запись обычно заносят в протокол, когда видят кровавые пятна, и пока нет точного определения экспертизы, кровь обязательно называется «бурой жидкостью», две стреляные гильзы, оболочка пули, радиотелефон, который выскользнул из кармана Влада, когда он упал, пухлая пачка российских «деревянных» – в протоколе они были обозначены как «денежные билеты Банка России» на сумму 484 400 рублей, а также пачка баксов – 6207 долларов.

Ни радиотелефон, штука особо ценная по тамошним временам, ни деньги не были взяты – киллеров все это не интересовало.

Тело Влада исследовали судебные медики, которые установили, что «потерпевшему было причинено сквозное огнестрельное ранение правого предплечья и слепое огнестрельное ранение головы, которое и явилось причиной смерти».

Эксперты-баллисты также дали свое заключение: «Гильзы и пули пригодны для идентификации. Выстрелы произведены, судя по всему, из двух видов оружия: пистолета-автомата «Скорпион» чешского производства калибра 7,65 мм и пистолета «Вальтер» такого же калибра».

Но эти заключения были лишь предварительными, их

предстояло еще уточнить. Тут же, по горячим следам, собрали и показания свидетелей. Показания были неясными, противоречили друг другу. И все-таки при подведении первых итогов следственная группа сделала вывод, что убийц было двое. Во-первых, две разные гильзы, а во-вторых, после убийства тележурналиста из подъезда выбежали двое мужчин, добежали до торца дома, сели в поджидавшую их машину иностранного производства с тонированными стеклами и скрылись.

В десять часов вечера первого марта в эфир, как обычно, вышел выпуск новостей НТВ. Канал НТВ был тогда, что называется, самым модным – люди смотрели «Независимое телевидение» чаще других, новостям этого канала верили, в отличие от других каналов, да и передачи свои канал старался готовить с выдумкой, темы подбирал острые, события оценивал неоднобоко, в рот властям не заглядывал... Все это производило впечатление.

У Татьяны Митковой, которая вела в тот вечер выпуск новостей, были заплаканные глаза – так показалось многим, кто ее видел. Будто она не успела стереть слезы и с мокрым лицом вышла в эфир.

Она произнесла всего лишь несколько слов, и те, кто сидел у экранов, почувствовали невольный холод, вспыхнувший внутри, в душе, – им стало страшно. На экране появился портрет Влада – улыбающегося, безмятежного, добродушно-го, с жутковато-черной полоской крепа в углу.

10

Вельский находился у себя дома, ужинал. Увидев портрет Влада, он отложил вилку в сторону и несколько минут сидел молча, вглядываясь в экран и почти ничего не видя, — все, что там происходило, в сознании никак не откладывалось, проскакивало мимо. Когда расстреливают кумиров — это означает, что контроль над порядком в стране потерян окончательно.

В это же время точно так же у телевизора сидел сотрудник Следственного комитета МВД России подполковник Трибой, Петр Георгиевич Трибой. После сообщения Митковой он точно так же погрузился в долгое нехорошее молчание. Передачи Влада он всегда смотрел с интересом – Влад умел покорять людей своей искренностью, легким подтруниванием, которое было и остроумным, и одновременно добродушным, не обижало тех, над кем он подтрунивал, – очень редкое качество для человека, привыкшего держать в руках микрофон.

Очнувшись, Трибой произнес только одно слово: «Да-а» – и больше ничего не сказал.

Тогда он не думал, не гадал, что именно ему придется заниматься расследованием этого убийства и в конце концов вообще придется снять с себя милицейские погоны...

Но это – уже другая история.

Гибель популярного ведущего нарушила всю работу телевидения, полетела вся сетка передач, все вещание – на экране всех каналов был выставлен портрет Влада, перетянутый в углу черной траурной лентой.

К телевизионщикам в Останкино приехал сам президент – понял, что эту публику надо успокоить, ибо если они выйдут из повиновения, то запросто сметут не только преданных его соратников, окопавшихся ныне в Кремле, но и его самого. Конечно, он не сдастся, как не сдался в 1993 году, при противостоянии с Верховным Советом, если что – выведет грачевских десантников и танки, подкрепит армию милицейскими частями быстрого реагирования, с такими силами он скрутит любого... Но повторения 1993 года Ельцину не хотелось. Популярности это не прибавит, рейтинг же зашкалит за нижним пределом. Ох, противное же словечко возникло в горбачевскую пору – «рейтинг», и кто его только выдумал! Этому «просветителю» надо оторвать вообще все, что растет ниже носа.

От президента исходил аромат то ли затейливого, непривычного для простого человека парфюма, то ли дорогого питья – водки, настоящей на редких травах, либо армянского коньяка «Двин», которым любил лакомиться сам Черчилль, – не понять. Но пьян президент не был. Когда он

пьян, то взгляд у него темнел, делался отсутствующим, уходил внутрь, словно президент очень внимательно интересовался тем, что у него происходит внутри, и это занимает его гораздо больше, чем разная мелочь, происходящая вне, и тогда события внешнего мира он воспринимал с безразличностью – это хорошо видно по его лицу.

Впрочем, чего придираться к президенту? Народ пьет не меньше его. Напитки только разные. Президент пьет горькую целебную водочку, настоящую на пятидесяти – шестидесяти целебных травах, – то самое, что надо принимать мензурками, наперстками... Но эта доза не устраивает президента, тут он не должен отставать от народа. А народ... – он пьет бутылками и стаканами, и пьет, конечно, не дорогие настойки – пьет крепкую табуретовку, от которой, если малость перебрать, человек слепнет, на глаза напоздаёт белесая мокрая пленка, и все...

Как-то президент попросил дать ему данные о том, как пил русский народ, скажем, до Первой мировой войны. Цифры заставили его задуматься. По данным Большой советской энциклопедии 1926 года, на одного российского жителя приходилось всего 3,4 литра чистого алкоголя в год. Всего-навсего. Впереди была Франция – 23 литра, Италия – 17 литров, Испания – 14 литров и далее по списку – Англия, Германия, Голландия, Швеция и другие крупные страны.

Недаром говорят, что самый красноречивый язык на свете – это язык цифр. Данные повергли президента в некое смя-

тение: получается, это при нем русский народ сделался самым пьющим в мире. При нем, да при этом пятнистом... Как его... При Михаиле Сергеевиче.

Президент всегда отличался великолепным знанием фамилий, имен и отчеств, он никогда не ошибался. Заплестись язык у него мог, выдать кашу вместо речи – запросто, а вот насчет ошибки в имени-отчестве – никогда.

Как-то он попросил принести ему справку, сколько же пьет рядовой россиянин, – цифра получилась ошеломляющая. Изучив справку, президент небрежно отодвинул лист бумаги в сторону, проговорил невнятно:

– Неплохо, неплохо.

Помощник, седой, с мальчишеской фигурой, с густыми черными бровями и легкой птичьей походкой, недоуменно глянул на президента – думал, что тот будет все рвать и метать, а президент вполне миролюбиво произнес слово «неплохо». Это что же, выходит, он смирился с тем, что Россия спивается? И в основном спивается работающий русский мужик, на котором всегда, испокон веков держалась земля наша?

Помощнику хорошо было ведомо, что спиваются в России ныне не только мужчины, но и женщины, а spoить женщину, значит, spoить будущее, лишить Россию нормального потомства. Страна наводнена дешевым спиртом, а там, где нет спирта, не хватает денег, мужики гонят жуткую сивуху из всякого дерьма, говорят, даже из гнилой кожуры. Процесс

этот необратим. Да и не надо его останавливать, разумел помощник, в этом вопросе он был заодно с президентом – сейчас ведь как дело обстоит: чем хуже – тем лучше.

Люди почти перестали выписывать газеты, но зато все подряд, поголовно, смотрят телевидение. Умными людьми было найдено очень интересное средство воздействия на человека – двадцать пятый кадр... Технически эта штука понятная, помощнику ее объяснили на пальцах, и он все схватил с полуслова. В кинопроекции есть понятие «двадцать четыре кадра». В секунду глаз успевает охватить ровно двадцать четыре кадра, которые, уложенные в секунду, дают непрерывное движение, создают стробоскопический эффект. Двадцать пятый кадр взглядом уже не улавливается, но именно он может воздействовать на человека. Говорят, что на экране писали неприличное слово, пардон, «говно». Глаз это слово не засекал, но в комнате, где стоял телевизор, вдруг появлялся неприятный запах общественного сортира. Досужие люди мигом сориентировались, сделали ставку на двадцать пятый кадр – поняли, что с его помощью в человеческую голову можно вдолбить что угодно, вплоть до идеологии фашизма. А можно заставить всю Россию проголосовать, чтобы она стала колонией какого-нибудь Занзибара. Проблема будет только с теми, кто не смотрит телевизор...

В общем, «венца природы» можно обработать почище всяких наркотиков. Шелковым станет. Поэтому президент поспешил появиться на телевидении, успокоить сотрудни-

ков.

Еще не хватало, чтобы телевидение выступало против него!

Пробыл президент в Останкино недолго, просил не бунтовать, не бередить души россиян (слово «россияне» он произносил с особым смаком, рассыпчато: «рас-сия-ни»), а работать так, как работали раньше. Со своей стороны он постарается быстро отыскать убийц Влада.

Влада на телевидении все так и звали – Влад, никто не называл по фамилии.

– С убийцами я вот что сделаю, – пообещал президент, наложил один кулак на другой, правый кулак красноречиво повернул влево, левый, со стесанным пальцем, – вправо. – Вот... Понятно?

Он поднял два кулака, показал их журналистам.

Приехав в Кремль, президент вызвал к себе генерального прокурора. Тот явился умопомрачительно быстро, будто сидел в приемной под дверью и ждал вызова, прошел в кабинет и, встав перед столом президента, выжидательно наклонил короткую борцовскую шею. Президенту нравились преданные люди. Нельзя сказать, что он ценил их, но нравиться нравились. По крайней мере, от них президент никогда не ждал удара в спину, как от некоторых улыбчивых «друзбанов», напрашивающихся к нему в баню. И сделают они все так, как надо... Как попросишь, так и сделают. Даже если закон надо будет прикрыть плотной тряпкой, чтобы ничего

не просвечивало.

Несмотря на то, что генеральный прокурор нравился президенту, президент некоторое время угрюмо смотрел на него. Смотрел и молчал.

Это встревожило генерального прокурора. Он переступил с ноги на ногу, подсунул под воротник рубашки палец – показалось, воротник жмет и ему нечем дышать. Наконец не выдержал и спросил неестественным, зажатым голосом:

– Что-нибудь случилось?

Президент продолжал молчать, потом недовольно шевельнулся:

– А вы разве не знаете, что происходит? Телевизор включаете или нет?

– Все знаю, все знаю, – заторопился, глотая слова, генеральный прокурор.

– Тогда чего спрашиваете? – Президент замолчал и вновь долгим изучающим взглядом уставился на генерального прокурора. У того начало медленно краснеть лицо.

– Значит, так, – наконец прервал молчание президент, стукнул левым кулаком по столу, – дело об этом убийстве я беру под свой контроль. Вы мне будете регулярно докладывать, как идет следствие.

– Сколько времени даете на расследование?

– Нисколько. Расследовать и найти убийцу надо было еще вчера. Понятно? – Президент вновь нехорошо шевельнулся. Генеральный прокурор почувствовал, как по спине у

него потекла струйка пота. – И вот еще что... Кто, как вы думаете, виноват в том, что произошло?

– Московские правоохранительные власти ослабили контроль за криминогенной ситуацией в городе, – стремительно, без запинки ответил генеральный прокурор.

– Вот-вот, понимаешь... московские. Это верно. Генеральный прокурор понял, что попал в точку. В России вечно стоят два вопроса: «Кто виноват и что делать?» Миллионы людей пытаются ответить на них, и ответы эти – толковые, в точку, но вопросы от того, что найден ответ, не исчезают, они оказались неистребимыми, они то там, то тут поднимаются вновь. Кто виноват и что делать?

– Есть у меня на этот счет кое-какие соображения, – сказал генеральный прокурор и сделал ладонью в воздухе сложный пируэт, будто что-то нарисовал.

– Вот-вот. Представьте мне эти соображения, – в голосе президента появились дребезжащие старческие нотки.

В голове у генерального прокурора неожиданно возник счастливый звон – он был рад тому, что уцелел, что в голосе президента появились ворчливые «добавления», а это означает – гроза прошла, никто его не тронет, кресла своего, несмотря на многократные прокаты в Совете Федерации, он не лишится.

– Я сделаю все, что от меня зависит, – с воодушевлением воскликнул генеральный прокурор, – все раскопаю! И виновных найду, и... – Он хотел было сказать «невиновных то-

же», но вовремя остановился – буквально споткнулся на слове.

Проницательный президент понимающе кивнул.

– Невинных не надо, – произнес он, словно прочитал мысли, роившиеся в голове генерального прокурора, усмехнулся устало и сделал рукой милостивый жест. – Идите! Завтра – ко мне на доклад. Докладывать о том, как расследуется это дело, будете постоянно. Понятно?

– Понятно! – прежним воодушевленно счастливым голосом произнес генеральный прокурор.

Генеральный прокурор относился к категории уязвимых людей. В его прошлом не было ни особых взлетов, ни блестящих мигов жизни, которые потом становятся биографией, не было ни званий, ни степеней. Максимум чего он добился – должности заместителя заведующего отделом в Генеральной прокуратуре СССР. Но это было при старой власти, а то, что было при старой власти, сейчас ставится в упрек – все без исключения. Поэтому хорошо, что при старой власти он ничего, собственно, и не добился – свое он возьмет при новой власти. Зато никто не ткнет его в глаза прошлым.

Он вновь засунул за воротник рубашки палец, резко оттянул – ткань затрещала, но не порвалась. Отсутствие биографии угнетало его. Как угнетало и звание мастера спорта, полученного на борцовском ковре. Он считал, что генеральный прокурор должен быть похож на чеховского интеллигента – утонченного, остроумного, независимого. Сам он этими ка-

чествами не обладал и страдал от собственного несовершенства, от внутренней маяты, а серебряный квадратик – значок мастера спорта СССР – лишь добавлял этой неуверенности. И вообще, всего, что он имел, было катастрофически мало для того, чтобы быть тем, кем он был.

Людей, которые не соглашались с его мнением, генеральный прокурор предпочитал во вверенной ему системе не оставлять. К числу таковых он относил, например, московского прокурора Пономарева. Не жаловал он и начальника столичной милиции генерала Панкратова. Была бы его воля – лишил бы этих людей и званий, и крестов, и кресел, и портфелей, не задумываясь. Но московское правоохранительное начальство было ему не по зубам – ходило оно под строптивым мэром Лужковым, а Лужков своих людей в обиду не давал. Генеральный прокурор уже пробовал лишить кое-кого своих кресел – надоели сорняки, но из этого ничего не получилось. Мэр считал, что и прокурор, и начальник милиции сидят на своих местах, с делами справляются, поэтому нечего их трогать и вообще нечего их мазать грязью.

Зная нрав московского мэра, генеральный прокурор вынужден был отступить. Но от планов своих не отказался. А тут такая накатила удача: сам президент велел отыскать ему виновных. А чего их искать, когда и так все ясно. Преступление-то где произошло? В Москве? В Москве. Значит, московские правоохранительные органы не доглядели, значит, они виноваты. Поэтому первые люди, которых он подставит

под президентский топор, будут два «П» – Пономарев и Панкратов. Тем более что у двух «П» были и реальные промахи – не промахивается ведь только тот, кто ничего не делает.

В тот день генеральный прокурор долго сидел у себя в кабинете, готовился к разговору с президентом. Если президент решит снять двух «П», то мэр помешать не сможет – слишком разные у них весовые категории. Иногда у генерального прокурора неожиданно начинало подергиваться правое веко – он знал, что у московского прокурора репутация без изъянов, к нему не прилип пока ни один ярлык, хотя Пономарева, как всякого прокурора, старались и купить, и взять на испуг, и опорочить, и слухи про него разные пускали, но он умудрялся из любой «газовой атаки» выходить невредимым. А что, если про эту незапятнанность наслышан президент? Сведет свои брови в одну линию и уставится на генерального прокурора долгим изучающим взглядом? Президент умеет делать длинные психологические паузы и доводить этим человека до полного онемения, до того, что тот перестает ощущать себя человеком – превращается в клопа, в кисельную протирушку, в изожженную головешку.

Генеральный прокурор еще ни разу не попадал под такой взгляд президента, но разговаривал с теми, кто попадал. Брр, мороз невольно бежит по коже...

Генеральный прокурор попытался представить, кем и чем ощущает себя человек, находящийся рядом с президентом, найти для этого нужное определение. В голове крутилось

что-то объемное, загораживало все остальное, а что это такое было, он определить не мог – не хватало слов.

Нарисовав на бумаге скорченного человечка, генеральный прокурор мстительно улыбнулся и отодвинул рисунок в сторону. Наступила пора действовать.

На следующий день генеральный прокурор явился с докладом к президенту.

Президент выглядел болезненно: лицо оплыло, потяжелело, обвисло складками, под глазами – будто морщинистые куриные мешочки, в которые вложили по тяжелому округлому камешку.

Обычно президент обращался к генеральному прокурору по имени и отчеству. Он мог заплетающимся от «перегрева» языком произнести что-нибудь невнятное, вместо «Алексей Владимирович» сказать «ныть кубыть», но это вовсе не означало, что президент что-то перепутал, в мозгу у него все равно сидело четкое, словно бы гвоздями прибитое «Алексей Владимирович». Или «Петр Сергеевич». На этот раз президент вообще никак не обратился к генеральному прокурору. Вид у президента был усталым, глаза ничего не выражали. «Небось, полночи в бане просидел, водкой вместо воды пар на камнях взбивал», – с неожиданной завистью подумал генеральный прокурор, но тут же постарался прогнать завидующую, в общем-то недобрую мысль, улыбнулся приветливо. Улыбку эту президент не принял, шевельнул губами, протискивая сквозь них короткий звук:

– Ну?

Генеральный прокурор положил перед ним бумагу с дву-

мя фамилиями – Пономарев и Панкратов.

Президент вопросительно приподнял обесцвеченную, плотно припечатанную к крутому лбу правую бровь:

– Что это?

– Эти люди виноваты в том, что был убит популярный телеведущий.

Президент одним пальцем придвинул к себе листок. Шелевя губами, прочитал фамилии. Откинулся в кресле... Подумал о том, что журналисты – люди цепкие как собаки, если уж вопьются зубами в брюки – ни за что не отпустят, поэтому им надо бросить кость, сделать отвлекающий маневр, швырнуть им сахарную голяшку, иначе пройдет еще несколько дней – и они поднимут такой вой, что многим сидящим в своих кремлевских креслах чиновникам свет белый покажется размером в копейку. Президент удовлетворенно кивнул:

– Хорошо. Что еще имеется? Посущественнее, скажем так.

– Времени прошло немного, но следствие продвинулось уже далеко, у нас есть приметы убийц. Изготовлены фотороботы, по которым мы их ищем и очень скоро найдем. Найдем, это я вам обещаю.

В ответ вновь последовал удовлетворительный кивок президента:

– Хорошо. Чем скорее найдете – тем лучше.

– Прокуратура приложит все силы, чтобы так оно и было.

Генеральный прокурор верил в то, что говорил.

Интерес в глазах президента пропал, они потухли, сделались вялыми – он уже думал о другом. Генеральный прокурор понял – пора уходить...

К вечеру президент подписал указ об освобождении прокурора Москвы и начальника столичной милиции от своих должностей.

Президент сделал то, чего не должен был делать, – влез в функции московских властей. Москва вообще считалась государством в государстве. Отношения между федеральной властью и властью московской мигом обострились, они, собственно, никогда и не были хорошими, все время ощущалось напряжение. Но такого, что произошло в эти дни, еще не случалось.

Московский мэр беспрекословно поддержал президента в октябре 1993 года, не предавал его и впоследствии, когда небо над Москвой становилось розовым в преддверии кровопролития, – даже грузовики выводил на Красную площадь, – и, конечно, не ожидал такого «подарка».

Отрабатывать что-либо назад было бесполезно: президент – не из тех, кто признает свои ошибки. Он поправок не делает.

Лицо столичного мэра невольно сделалось грустным – его еще никто так публично не одергивал. Популярность его в Москве была в несколько раз выше, чем популярность президента.

В воздухе запахло войной.

Лишь один человек был очень доволен случившимся – генеральный прокурор: все получилось так, как он хотел – давнего недруга в московской прокуратуре не стало. И что важно, сделал это он не своими руками, в этом деле никак не замарался. А раз не замарался, то и взятки с него гладки.

Домой генеральный прокурор возвращался довольный, доброжелательно поглядывал на московские дома. Раньше, во времена царя Гороха, при Брежневe, при столичном градоначальнике Промысловe, Москва выглядела серой, зачуханной, с тусклыми фонарями и запыленными витринами магазинов, в которых было выставлено невесть что – то манекены из дешевой, плохо раскрашенной пластмассы, то рулоны ткани, намотанные на какие-то деревяшки, то мыло в выцветших обертках. Тьфу! Не любил генеральный прокурор ту Москву.

Нынешняя Москва – демократическая, само слово чего стоит – была много ближе, краше, милее. Цвет ее изменился: на тротуарах появились выносные столики, много цветастых шатров, навесов, играет безмятежная музыка, люди улыбаются... Нет, демократические перемены налицо.

Улыбка, плотно припечатавшаяся к губам генерального прокурора, неожиданно потускнела – он вспомнил о нескольких письмах, лежавших у него на столе. Пришли они из разных мест, писали люди, доведенные до отчаяния. У одной женщины на руках, например, было четверо детей, никто из них в школу не ходит – нет ни одежды, ни обуви, зар-

плата у нее равна стоимости трех буханок хлеба, до следующей зарплаты еще шесть дней, а в доме осталось всего три картофелины, больше ничего нет... «Как жить? – спрашивала та женщина генерального прокурора. – Голову в петлю – и дело с концом? Но тогда кто воспитает моих детей?»

Резонно, никто не воспитает. Дети этой замарашки никому не нужны.

Старух в деревнях почти повсеместно сейчас хоронят в полиэтиленовых мешках. На гробы нет денег. Те крохи, которые они собрали себе на похороны, в одно мгновение были слизнуты, будто жадным коровьим языком, при переходе от одного строя к другому. И старухи, считавшие себя богатыми, в одно мгновение сделались нищими. В принципе, генеральному прокурору было не до старух, хватало других забот. А когда от тела отлетела душа и осталась лишь мертвая плоть – безразлично, в чем эта плоть будет похоронена – в полиэтиленовом мешке, в коробке из-под телевизора или просто так, без ничего, как на фронте: там сбрасывали убитых солдат в яму и закапывали землей. И – никаких тебе гробов, никаких поминальных служб, застолий с кутьей и прощальной стопкой водки.

Беспокоило другое – а вдруг эти старухи напишут президенту и обвинят прокуратуру... Собственно, в чем они могут ее обвинять? Генеральный прокурор разом успокоился. Обнищание этих старух – не дело рук прокуратуры. Этим занимались другие.

Появились беспризорники. Много беспризорников, как при Дзержинском. Прокуратура тут тоже ни при чем...

Нет, хороша все-таки стала Москва! На лице генерального прокурора вновь появилась улыбка.

И время, в котором он жил, тоже было хорошим.

Генеральный прокурор был уверен, что след сыщиками был взят точный: те двое невятно стучавших от холода зубами мужичков и есть убийцы, киллеры по-нынешнему. Слово «киллер» генеральному прокурору нравилось – энергичное оно, вражеское. Иначе с чего им мерзнуть в том дворе, ради какой такой радости: они убийцы, они! Только вот сыщики чего-то медлят, никак не могут отыскать их и арестовать. Надо будет им хвосты накрутить, чтобы мышей ловили получше. Генеральный прокурор сжал пальцы правой руки в кулак – кирпич получился увесистый, глянул на него удовлетворенно, внутри также появилось довольное чувство удовлетворения, некое ощущение наполненности: жизнь, которую он ведет, – насыщенная. Генеральный прокурор, словно подтверждая это, кивнул... Как там пел один известный актер с хриплым голосом: «И жизнь хороша, и жить хорошо». Вот-вот, и жизнь хороша, и жить хорошо.

Впрочем, не так уж и хороша была жизнь генерального прокурора. Хоть он и считал себя полновесным генеральным прокурором, на самом же деле он был «И.О.» – исполняющим обязанности. И через это пресловутое «И.О.», схожее с криком осла, никак не мог перескочить – генеральный прокурор не нравился слишком большому кругу членов Совета Федерации. Когда он об этом думал, у него сами по себе

невольню сжимались кулаки.

На борцовский ковер этих бы хануриков, он бы живо их расшвырял. Но нет, вместо борцовского ковра они предпочитают, будто клопы, прятаться по щелям.

Он вспомнил один красноречивый жест президента, которым тот иногда пользовался: наложил один кулак на другой, потом повернул один кулак в одну сторону, второй в другую – о-очень симпатичный жест. Генеральный прокурор сделал это один раз, затем повторил. Он... это самое, он будет действовать точно так же, как президент. Ледяным тоном переговорил по телефону с министром внутренних дел.

– Ну что убийцы? – спросил он у министра. – Ведь уже все известно, приметы есть, осталось только накрыть их сачком.

– Ищем!

– Искать можно до бесконечности.

– Но что делать... Они спрятались, легли на дно, как говорят в уголовном мире. – Голос министра внутренних дел был грустным.

– Бросьте на поиски все силы.

– Все силы уже брошены.

– Выходит, огромная армия милиционеров, тысячи людей ищут и не могут найти каких-то двух лохов?

– Представьте, не могут.

Генеральный прокурор повесил телефонную трубку. Если честно, то этого министра надо отправить туда же, где сейчас находятся Пономарев с Панкратовым. Он выругался.

Велико же было удивление оперативников, когда в тот же вечер они неожиданно засекли во дворе Влада двух неброско одетых мужчин, неразговорчивых, угрюмых, пристроившихся в углу двора к какой-то залетной машине, два дня уже занимающей чужое место – машина стала на место здешнего пенсионера. Мужчины нервно покуривали сигареты и кого-то ждали.

Кроме оперативников этих людей засекла и соседка Влада, начальственная старуха, которой всегда до всего было дело. Она позвонила в милицию – подобных доброхотов, как эта старуха, у нас во все времена было хоть отбавляй. Особенно в столице нашей Родины. Что ни подъезд, то дюжина добровольных помощников милиции, налоговой полиции и прочим органам, призванным надзирать за гражданами.

Мужики и докурить не успели, как к ним подошли сразу несколько человек и крепко ухватили за руки.

– Тих-хо!

– Вы чего? Вы чего? – засопровтивлялись было мужики, но их быстро утихомирили, опыт по этой части у блюстителей порядка имелся большой.

В следующий миг во двор с визгом влетел голубовато-желтый, почему-то раскрашенный в цвета украинского флага милицейский «уазик», опешивших мужиков едва ли

не в свернутом виде засунули в нутро машины, и «уазик» отбыл из разом ставшего тихим двора. К «уазику» на улице поспешно пристроились две «канарейки» – милицейский «жигуленок» и важный, вальяжный «крайслер» – и двинулись следом.

– Вот и все, – деловито заключила начальственная старуха, соседка Влада, наблюдавшая за происходящим в окно, отерла рукою рот. – Понеслись души в рай, лапками засверкали.

Неожиданно с черного вечернего неба повалил снег – тяжелый, крупный, зимний, он в десять минут обиходил, осветлил землю. Даже на душе и то светлее сделалось.

Очень скоро – оперативно, по горячим следам – дикторы сразу нескольких каналов телевидения объявили, что задержаны предполагаемые убийцы Влада. Фамилии их в интересах следствия пока не разглашаются.

Поклонники Влада – а их было много – облегченно вздохнули:

– Наконец-то! Смерть Влада не останется неотмщенной. Справедливость восторжествует!

Прораб Шутин, обсуждавший с Алиной вопросы ремонта – смерть смертью, а жизнь продолжается, самый лучший способ забыться, освободиться от траурных мыслей – это работа, поэтому Алина и старалась загрузить себя ею, – выйдя во двор, не обнаружил там своих подопечных. Озадаченно приподнял шапку и почесал пальцами затылок.

– Ну, шустряки! – пробормотал он недовольно. – Без меня решили выпить традиционную стопку и закусить бутербродом. Ну, шустряки!

Потом, подумав, что подопечные, замерзнув, решили, наверное, скоротать время в машине, которая стоит на улице, за аркой, направился туда. Но мужиков не было и в машине.

Прораб вновь почесал затылок:

– Что за булгаковщина! Они же должны быть здесь, они должны ждать меня.

Неожиданно из темноты, словно бы вытаяв из ничего, как дух бестелесный, – опять булгаковщина, – выступил человек в пухлой теплой куртке и финской кепке с длинным козырьком и опущенными ушами.

– Вы кого-то ищите?

– Ищу.

– Кого?

– А два приятеля тут должны были меня дожидаться. Ку-

да-то делись. Не пойму... Будто сквозь землю провалились. Вы их не видели?

– Видел. Могу показать, где они находятся.

– Где?

– Пойдемте, я покажу. – Человек в пухлой куртке подхватил прораба под локоть. – Пойдемте, пойдемте... Не бойтесь, я не кусаюсь.

Заподозрив неладное, прораб рванулся было в сторону, но по самые колени погрузился ногами в снег, подгребенный к обочине. Человек в куртке удержал его, потянул на себя.

– Эк вы, право, – неожиданно старомодно, будто интеллигент чеховской поры, произнес он, выдернув прораба из сугроба. – Пошли-ка, дядя, ведь недаром...

Литературный оказался человек.

Прораб даже не заметил, как рядом появилась машина, притормозила беззвучно. Человек в пуховике толкнул прораба в машину, это была «канарейка» с хорошо нагретой кабиной. Из приемника, слабо освещающего панелью, лилась музыка.

За рулем «канарейки» сидел милиционер с лейтенантскими погонами.

– Вы чего, вы чего, ребята? – перепугался прораб, в защитном движении закрыл лицо ладонью. – Я ничего не сделал.

– Во! Допрос еще не начался, а он начал отвечать на поставленные вопросы, – усмехнулся лейтенант, мягко трогая

машину с места. — Что за народ!

Уже после первых двадцати минут беседы с прорабом стало понятно — он к убийству не причастен, имеет отношение к нему не большее, чем ко Дню Парижской коммуны.

Прораба пришлось отпустить.

Президенту на стол тем не менее легла записка с короткой пометкой в верхнем правом углу: «Срочно». Президент эту записку прочитал с удовольствием — теперь он может смело смотреть журналистам в глаза: убийцы, сами исполнители, найдены. Дело осталось за малым — найти заказчика.

Президент с воодушевлением потер руки.

По делу об убийстве Влада продолжали работать не только следователи – продолжали работать и эксперты. В частности, они обратили внимание на одну деталь. Когда Кузякина, выйдя из квартиры, увидела Влада, то лицо его было чистым, каким-то изумленным, такое лицо бывает у человека, когда его внезапно останавливают на улице, а потом выражение изумления исчезло и главное – на лице появились сильные кровоподтеки, гематомы – уже у мертвого, будто боль, которую Влад ощутил живым, пришла с опозданием к мертвому.

Медики подтвердили – такое иногда бывает с убитыми людьми.

Требовалась глубокая обработка связей Влада.

Выяснилось, что незадолго до своей гибели Влад затеял перестройку телевизионного канала – он получил высокое назначение на пост генерального директора и решил разобратся не только в том, что появляется на экране телевизора, на его «кнопке», но и что делается за кадром. Например, сколько канал получает денег от рекламы, куда они идут?

Однажды утром на столе в его кабинете оказалась записка – она лежала поверх газет и писем: «Вы напрасно это затеяли, господин хороший. Последствия могут быть непредсказуемы. Доброжелатель». Влад вызвал секретаршу:

– Ко мне кто-нибудь заходил?

– Нет.

– Странно, – пробормотал он обескураженно, близоруко сощурил глаза под стеклами очков. Когда он так щурил глаза, то казался совершенно безоружным – бери голыми руками. Многие женщины, влюбленные в него, на этом попадались. На деле же Влад был далеко не безоружным человеком.

Среди денежных потоков, которые крутились вокруг телевидения, Влад прежде всего обратил внимание на рекламные деньги. Уж очень много их было, и рождались они буквально из ничего, из воздуха, падали сами по себе с небес. Причем, качество рекламы не влияло на поступления. Влия-

ло время, отведенное под рекламу, – а так хоть собственный кулак показывай в экран либо рекламируй немытые руки и грязные ногти – главное, чтобы время это было оплачено. Звонкой монетой. Долларами. В крайнем случае – немецкими марками или английскими фунтами.

Это был золотой дождь, который сыпался с небес, бегай только с кастрюлькой либо с подносом от одного облака к другому да подставляй посудину под струи. Поскольку телевидение напрямую рекламой не занималось, то оно продало рекламное время посредникам, которые быстро сообразили что к чему. И из каждой кастрюльки телевидению отдавали лишь малую толику, две-три монетки, остальное забирали себе.

Очень жирным и очень толстым оказался этот пирог. Но шел он мимо рта государства, мимо рта телевизионной кампании, которая едва сводила концы с концами и если бы не дотации государства, вообще завалилась бы набок.

Рекламных денег с лихвой хватило бы на то, чтобы не только обеспечить людей нормальной зарплатой, закупить новую технику, которой на западе появилось ой-ой-ей сколько – глазом не окинуть, но и вообще отремонтировать, отштукатурить, пардон, и окрасить Останкинскую башню. Башню вообще можно было оклеить долларами, вот ведь как.

Многие пытались наложить руку на этот жирный пирог. И разные рекламные предприниматели, и преступные группировки, в частности одна из самых мощных – Солнцевская, и ловкие жулики, которым все равно, откуда качать деньги, лишь бы качать, и чиновники с толстыми портфелями, и депутаты Государственной думы...

Чиновников Влад особенно не любил – у них совершенно не было совести, они даже не знали, что это такое – совесть.

Первым разговор о совместном бизнесе с Владом на рекламной ниве затеял некий человек по имени Боря – его все так звали, Боря, либо Борька, словно у него не было ни полного имени, ни отчества – только кличка, которой во многих деревнях наделяют молодых козелков – Боря, Борька. Собственно, он и был похож на молодого козелка, только не хватало ему рогов да бородки. Фамилия его была Абросимов.

– Влад, хочу предложить партнерство, – осторожно начал разговор Абросимов.

– Надо подумать, – ответил Влад.

– Я человек надежный, на меня можно положиться во всем...

– Я знаю. Но подумать я все равно должен.

Вечером Влад позвонил своему давнему приятелю, еще со школьной поры, – Шальнову, подполковнику милиции, ра-

ботавшему на Петровке, 38, в Главном управлении внутренних дел Москвы.

– Слушай, старик, ты не можешь пробить у себя в компьютере одну фамилию?

– А что, человек пахнет чем-то нехорошим? – Шальнов засмеялся.

– Точно не знаю, но подозрения есть.

– Давай фамилию.

– Абросимов.

– Позвони мне завтра в десять утра на работу. Влад позвонил.

– По нашим данным, Абросимов входит в Солнцевскую группировку, – сказал Шальнов.

– Ого. – Влад не удержался от восклицания. По коже у него пополз нехороший озноб. – Ошибки быть не может?

– Петровка, тридцать восемь, не ошибается, Влад. Кличка у Абросимова – Боря, по его же имени. Имей в виду вообще, что солнцевская братия хочет установить полный контроль над телевидением, и в частности над рекламными агентствами. Более того, и это между нами, Влад, о твоих разговорах с Абросимовым известно лидерам группировки.

– Фью-ють, – Влад присвистнул. – К моей скромной персоне внимание таких великих людей привлечено быть не может. Исключено!

– Не паясничай, Влад. Будь осторожен, – предупредил Шальнов. – Солнцевские – ребята серьезные.

– Так возьмите и арестуйте их! Это же преступники!

– Если бы было можно. – Голос Шальнова сделался грустным. – Есть кое-кто наверху, сидит очень высоко, кто не дает этого сделать.

– Значит, солнцевские сидят уже в Кремле?

– Считай, что так, – помедлив, отозвался Шальнов. Чувствовалось, что он не хочет говорить на эту тему, может быть, даже просто боится – ведь телефоны ныне стали дырявыми, как никогда.

Через два дня Абросимов зашел в кабинет Влада – веселый, надушенный «Опиумом», модным мужским одеколоном, с двумя золотыми перстнями: один с красным дорогим камнем – на левой руке, второй с пронзительно синим сапфиром – на правой. Абросимов широко улыбался – во весь рот, лицо сияло и лоснилось.

– Ну как, Влад, будем делать совместный бизнес? – спросил он прямо с порога.

Влад медленно покачал головой:

– Не будем.

Улыбка исчезла с лица Абросимова, взгляд сделался растерянным – такого ответа он не ожидал.

– Как так?

– А так. – Влад поднялся из-за стола, сунул руки в карманы, подошел к Абросимову. – Если бы ты был один, сам по себе, так сказать, то я бы подумал, сыграть с тобой в эту азартную игру или воздержаться. Но поскольку ты не один,

за тобой стоит целая куча людей, к которым я отношусь без особого уважения, то играть мы с тобой ни в какие игры не будем. Вот и все.

– Это кто же за мной стоит?

– Это ты знаешь лучше меня.

На лбу у Абросимова появился пот, на щеках возникли белые пятна.

– Мне кажется, Влад, ты ошибаешься.

– В этом разе – не ошибаюсь. – Влад вытащил руки из карманов и сел за стол, давая понять, что разговор окончен.

– И что, никаких надежд?

– Никаких, – сказал Влад решительно, как отрезал. – Эту игру мы будем играть с другими людьми.

Абросимов с трудом, словно в нем что-то отказало, повернулся и исчез за дверью.

Вечером Абросимов сидел в огромной, заставленной стильной резной мебелью квартире и докладывал о разговоре с Владом человеку, вольно расположившемуся за широким темным столом. Хозяин квартиры смотрел на Абросимова с брезгливостью, как удав на крота. Абросимов чувствовал себя неудобно.

Хозяин квартиры был им недоволен. Мог бы предложить Абросимову хотя бы стакан чаю или чашку кофе, бутерброд с икрой, но не предложил ничего. Даже сесть не предложил. Абросимов сел сам – аккуратно, на самый краешек низкого глубокого кресла, словно боясь раздавить его. Хозяин квартиры посмотрел на него неодобрительно, Абросимов втянул голову в плечи.

– Значит, отказал? – задумчиво проговорил хозяин квартиры. Голос у него был густым, сочным, будто у хорошего оперного певца. Приметный голос.

– Отказал, – жалобно кивнул в ответ Абросимов.

Хозяин взял тоненькую, розовую, очень аппетитно поджаренную гренку, ложкой подцепил икру из серебряной кюветки, обложенной льдом, и сосредоточенно стал водружать ее на гренку.

– Нехорошо это, – сказал хозяин.

– Да уж, – Абросимов вздохнул и с гулким звуком проглотил.

тил слюну, услышал этот звук, и ему сделалось жаль самого себя. Он покрутил головой из стороны в сторону, словно ему на горло стала давить пуговица, вновь гулко сглотнул слюну.

Хозяин квартиры ничего этого, похоже, не заметил.

– И убирать его жалко, Влад человек популярный, народ его любит, – хозяин квартиры вздохнул. – А народ надо уважать. Что мы без народа? А?

Абросимов согласно наклонил голову: он хорошо знал, что и с народом, и без народа человек, сидевший напротив него – все! Это народ – ничто, а он – все! Давать какой-либо определенный ответ было опасно, лучше в знак согласия наклонить голову и этим ограничиться.

– Ничто мы без народа, – повторил хозяин квартиры и засунул в рот grenку с икрой. Проглотил не жуя. – Да и скучно жить без народа. Охо-хо, грехи наши тяжкие. – Он потянулся к бутылкам, стоявшим на столе, выбрал одну, с вишневой наливкой «Мари Бризард», налил себе в фужер сладкой тягучей жидкости.

Не выдержав, Абросимов вновь гулко сглотнул слюну. Хозяин квартиры покосился на него, недоуменно приподнял одну бровь, опять потянулся за grenкой, густо намазал ее икрой.

– Поэтому любимца масс мы пока трогать не будем, а подойдем к нему с другой стороны. Не может быть, чтобы он не прогнулся. И не такие прогибались. – Хозяин проглотил еще одну grenку, запил ее сладкой наливкой. Вкус у него был

еще тот. Абросимов слышал, что этот человек когда-то работал таксистом, звезд с неба не хватал, а когда наступило благословенное перестроечное и послеперестроечное время – прыгнул вверх, стал богатым, очень богатым и сильным. У него под рукой целая группировка. Кого хочешь задавит. Даже кремлевский полк вместе с его пушками и минометами. – И не такие прогибались ведь? – тем временем строго спросил хозяин гигантской квартиры. – Правда?

Абросимов поспешно улыбнулся.

– Так точно! И не такие прогибались.

Хозяин квартиры вновь поднял одну бровь, и у Абросимова нехорошо засосало под ложечкой.

– А ты задание свое не выполнил, – сказал ему хозяин квартиры. – Я подумаю, как с тобою быть дальше. А сейчас иди. Не мешай мне ужинать. Твоя рожа меня раздражает.

Абросимов на цыпочках, пятясь, вышел из комнаты. Губы у него обиженно подрагивали: он-то тут при чем? Влад же заупрямился, не он, а раз Влад заупрямился, то это уже проблема самого Влада. Нет, не прав шеф, что был с ним так суров. Абросимов не заслуживает такого отношения.

Он вышел на улицу, сел в машину. Дул резкий мартовский ветер, с железных московских крыш срывались куски снега, льдышки шлепались на асфальт. Хотелось поскорее домой, в привычное тепло... Еще ему очень хотелось мягкого белого хлеба с черной икрой. Так сильно хотелось, что он готов был заныть побито. Во рту в твердый комок сбилась слюна.

Абросимов с места дал газ, шины с железным грохотом проскрежетали по асфальту, и иномарка резко рванулась вперед. Железный звук напугал Абросимова: а вдруг к днищу автомобиля привязали гранату? Сейчас ведь рванет!

Он сбросил газ и вжал голову в плечи.

Нет, не рвануло.

Государственный советник юстиции третьего класса Георгий Ильич Вельский родом был из Сибири. Никогда не думал о том, что станет московским жителем и уж тем более – прокурорским работником. Он был человеком науки, специалистом по редкой ветке юриспруденции – государственно-му праву. Институт окончил на Урале, кандидатскую и докторскую защитил там же, места те любил, сжился с ними и не думал, что ему когда-нибудь придется перебираться в Белокаменную. Но жизнь, как говорится, индейка, а судьба – злодейка.

Его заметили... На одной из конференций, где ему довелось делать доклад. Потом взяли на карандаш на другой конференции. В результате через полгода вызвали в Москву.

Должность ему предложили такую, от которой отказываться было нельзя. Если откажешься – сам на себе поставишь крест и максимум на что можешь потом рассчитывать – на командование метлами да лопатами в какой-нибудь каптерке, в другие места путь уже будет закрыт. И не потому, что существовала, так сказать, жесткая государственная или партийная дисциплина, хотя и это тоже было, – существовали некие нормы, которые нельзя было нарушать. Нарушивший их делался своеобразным изгоем, человеком, которому обязательно надо показаться врачу-психиатру. Ну действи-

тельно, если человеку предлагают должность министра, а он начинает брезгливо морщить нос и махать руками: «Нет, нет, нет!» — как к нему после этого относиться?

В таких случаях относятся обычно как к больному. Так бы отнеслись и к Вельскому, если бы он отказался.

В результате Вельский очутился в Москве.

В первые месяцы он очень скучал. Ему казалось, что в Москве он обязательно задохнется, ему не хватало воздуха. Иногда ночью он просыпался от того, что нечем было дышать, в комнате плавает бензиновая копоть, смешанная с запахом горелой резины, горячего железа, расплавленной краски, еще чего-то, чему и названия не было. Лицо его было мокрым, и тогда он неслышно, на цыпочках, боясь разбудить жену, подбирался к открытой форточке, чтобыдохнуть немного свежего ночного духа. Вслушивался в ночные звуки, стирал ладонью пот со лба — свежего воздуха все равно не было, затем, устало махнув рукой, вновь забирался в постель. К утру надо было обязательно выспаться и иметь свежую голову.

После Урала, где даже и отношения между людьми были проще, честнее, добрее, чем в Москве, здесь все казалось иным.

Если Вельский шел по улице, то обязательно хотелось оглянуться — чудилось, что ему вот-вот кто-нибудь всадит сзади нож под лопатку. Это была Москва, ее жизнь, протекающая по формуле, рожденной, как потом понял Вельский,

совсем недавно, в перестроечные – при Горбачеве – времена.

Старая Москва – в шестидесятые, в семидесятые, в восьмидесятые годы – была другой.

Как только по телевидению объявили о том, что убийцы Влада задержаны, Вельский огорченно покачал головой. Задержаны? Как бы не так! Убийства таких людей, как Влад, готовятся очень тщательно, и вот так, походя, на одном чихе, их не раскрывают. Попрыгунчи-ковы методы здесь не проходят.

И зачем так спешит, так торопится генеральный прокурор, Вельскому было непонятно. Генерального прокурора он знал, как говорится, постольку поскольку и не больше, только в той части деловых отношений, которые связывали руководителя отраслевого института с руководителем ведомства, имевшего титул больший, чем простой министр (генерального прокурора страны, старшего среди министров-силови-ков, всегда негласно приравнивали к вице-премьеру правительства). Расстояние между директором института, однозвездного генерала, и генеральным прокурором, у которого по армейской иерархии этих звезд имелось в четыре раза больше, было таким, как от Земли до Венеры, поэтому Вельский относился к генеральному прокурору довольно настороженно. Старался к нему не приближаться и уж не дай Бог – попасть в его окружение... Вот уж действительно, живя в аду, не знаешь, как отвести душу, чтобы ее не захапал, не зажал в тисках кто-нибудь – дьявол или такой человек, как

нынешний генеральный прокурор. Точнее, и.о. генерального прокурора. Вельский недобро усмехнулся.

И в человеческом плане, и в профессиональном их генеральный прокурор, извините, и.о. генерального прокурора был никем. И все-таки ошибки этого и.о. резали слух, глаза, мозг и вызывали ощущение досады.

Вельский пожаловался жене:

– Знаешь, временами мне так становится неприятно все, что происходит в нашей конторе, что хочется сменить работу.

– Терпи!

– Куда ни глянь – всюду одни спасители Отечества типа нашего генерального, только нет от них России спасения: думают они лишь о своем кармане да о том, как бы получше облизать задницу президенту... До всего остального им нет дела.

– Грубо как, Георгий.

– Это реалии, Лена, реалии нашей жизни, и голову от них, как страусу, не спрятать. Служить грешно, выслуживаться тошно. Противно все это. Устал я!

– Может быть, нам поехать отдохнуть?

– А что? – Вельский оживился. – Хорошая мысль! На Байкал. Рыбу на удочке половить, омулька на рожне отведать. А! – Он потер руки. – Чтобы не видеть всего этого, – кивнул на экран телевизора, – не видеть и не слышать. – В следующий миг лицо Вельского погасло, он вздохнул. – Только ко-

гда это еще будет... В июле, не раньше. А сейчас на дворе март.

Жена поспешила сменить тему разговора.

– Ну что, убийц Влада вроде бы поймали? Верно вещает ящик? – Телевизор она назвала модным словом.

Вельский не выдержал, усмехнулся.

– Это не убийцы Влада, это совсем другие люди. Просто наше ведомство расписалось в своей некомпетентности.

– А как же сообщения телевидения?

– Врет телевидение.

– А генеральный прокурор?

– И он врет. – Вельский не удержался и добавил: – Как сивый мерин. И верит в то, что говорит, – верит в собственное вранье. Тьфу! Настоящих убийц не поймали и, как мне кажется, вряд ли поймают.

– Почему?

– Да потому, что их просто уже нет в живых. По неписаным законам криминальной России эпохи Ельцина их не должно быть в живых.

– Куда же они делись?

– Лена, ты наивная... Куда, куда? Повторяю, их убили. А тела бросили гнить где-нибудь в подмосковном лесу.

– Жена невольно обхватила плечи руками, крест-накрест, словно ей было холодно.

– Страшно как стало жить...

– Вот именно – страшно.

Никто из подопечных не знал точно фамилию, имя и отчество хозяина огромной, в половину этажа, квартиры, расположенной в центре города и стоившей не менее миллиона долларов. Все звали его Хозяином. С большой буквы – Хозяин. Даже шефом опасались звать, хотя шеф – тоже неплохо, это понятно, высоко, но Хозяин – это убедительнее, весомее, громче. Ум Хозяин имел хваткий, как и большинство водителей-таксеров, умевших и пару девочек склеить бесплатно по дороге, и десяток бутылок паленой водки загнать из-под полы, ночью, взяв за них не тройную или четверную, а десятерную цену (в пору Горбачева, когда вино и водке была объявлена война и водка продавалась в магазинах с двух часов дня до семи вечера, едва ли не по списку, люди опустились до того, что пили даже вонючие лосьоны, одеколоны и отстой от паркетного лака; естественно, деловые люди широко наладили производство подпольной водки, самопальной или паленой, которую развозили и продавали таксисты, Хозяин был одним из таких продавцов), и клиента обмишурить, получив с него сверх положенного себе на обед... Это был шик особого рода – получить сверх счетчика ровно на обед. Обедал Хозяин в ту пору в «Зеленом глазе» – бойкой стекляншке, находящейся недалеко от Никитских ворот. Черной икры с гренками да печенки «фуа-гра» там, конечно, не было, но

хорошее жаркое с двумя кусочками хлеба – это было, и первое и второе одновременно, плюс тарелка красного свекольника с жирным шматком сметаны – дополнительное первое для тех, кому выпала тяжелая шоферская смена, плюс стакан компота... На это «сверхнормативной» пятерки вполне хватало. Именно столько старался взять Хозяин с каждого клиента. А то, что положено по счетчику, сдавал в кассу таксопарка.

Но все это осталось в далеком прошлом. Ныне Хозяин, если захочет, то может вообще купить весь «Зеленый глаз» вместе с прилегающими к стекляшке улицами и, вообще, если понадобится, на равных потягаться своим влиянием и с мэром Москвы, и с губернатором Московской области, и даже с самим президентом. Одно слово – Хозяин.

С этим ничтожеством Абросимовым он только время потерял. Пустое место. Максимум на что Боря способен – стирать шнурки и глодать кости, выловленные из хаша.

Хозяин вздохнул негодуя, разложил перед собой бумажки – донесения двух бригадиров, присматривающих за Останкино и вообще занимающихся телевизионными делами. Хозяин, как и государство в лице многих чиновников, собирался установить над телевидением свой железный контроль. И главное – контроль над его финансовыми потоками, чтобы ни один рубль, ни один доллар не проскакивали мимо незамеченными.

Взгромоздив на нос узенькие, будто броневые щели, кро-

хотные очки, он углубился в чтение бумажек. Через полчаса сдернул очки с носа и произнес удовлетворенно:

– Эге!

На это негромкое «Эге!» тотчас возник помощник – их у Хозяина было три – наутюженный, напoмаженный, довольно респектабельный молодой человек.

– Слушаю вас. – Молодой человек в вежливой готовности склонил голову и вытащил из кармана блокнот с заложенным карандашом.

– Узнай-ка, мигом, под кем сейчас ходит этот рекламный дух... как его... фамилия его, – Хозяин поднял одну из бумажек, – Бейлис.

Секретарь торопливо записал в блокнот: «Бейлис».

– Узнай, чем он дышит, с кем ликеры и кофеек пьет, под кем крышует. – Слово «крышует» Хозяин усилил, оно было главным в этом перечне.

Из бумажек – «докладных», поданных ему бригадирами, Хозяин выяснил, что самой крупной фигурой среди рекламщиков ныне считается Бейлис. Он, если понадобится, любого кобелька там прижмет и, надо полагать, справится и с этим несговорчивым козлом, с Владом.

Через пятнадцать минут секретарь вновь едва слышно скрипнул дверью.

– Я все узнал.

– Ну?

– Крышей у Бейлиса является Глобус со своей группиров-

кой...

– Кто такой Глобус? – перебил секретаря Хозяин, в голосе его послышались ворчливо-властные нотки.

– Под началом у него ходят двенадцать человек. Без охраны нигде не появляется. Бейлиса опекает плотно. Всегда вооружен.

Хозяин недовольно поморщился:

– Не люблю этих слов.

– Простите. Но все равно эту информацию я должен довести до вас.

– Довезти? На чем? На телеге? – Хозяин усмехнулся, довольный тем, что на каламбуре поймал секретаря. – Где чаще всего бывает этот Глобус?

– На дискотеке у «ЛИС’Са».

Брови у Хозяина изумленно вздернулись и сложились в домик.

– Так он, выходит, совсем несерьезный человек?

– Я бы так не сказал.

– Ну какой же он серьезный, если до сих пор бегает на танцульки?

– Он бывает не только на танцульках.

– Где еще?

– В казино. Часто обедает в ресторане «Сирена»...

– Видел я эту «Сирену». Ничего в ней хорошего, под стекляннным полом плавают полудохлые осетры – того гляди провалишься и сам осетром станешь. Все ясно. – Хозяин сделал

брезгливое лицо и поднял растопыренную ладонь, останавливая секретаря. – Позови-ка мне Феню.

Феня – смышленный, ловкий, с высокими залысинами и гибкой фигурой танцора, выполнял при Хозяине роль чиновника для особых поручений.

– Хорошо выглядишь, Феня, – похвалил его Хозяин.

– Стараюсь.

– Значит так, Феня... Есть один авторитет из новоявленных, по кличке Глобус...

Феня напрягся, на лбу у него возникли вертикальные складки.

– Что-то слышал, Хозяин, но что конкретно – вспомнить не берусь.

– А и не надо впопыхах вспоминать, милок, – назидательно произнес Хозяин. Ты это дело обшурупь потщательнее, в тиши и покое, а потом действуй. Действуй так, чтобы ни один кремлевский полк перед тобой не устоял.

– Понял, Хозяин. – Феня не удержался, расплылся в улыбке. – Этого Глобуса надо того... – Он провел пальцем себе по шее. – Правильно я понял?

– Догадливый, – пробурчал Хозяин.

Комбинация, которую задумал Хозяин, была проста, как превращение воды в лед в холодную зимнюю пору: лишить Бейлиса крыши и самому стать его крышей. А Бейлис – один из самых близких к Владу людей, в дом к нему входит не спрашиваясь, дверь в кабинет открывает ногой. Попадая под

влияние, а точнее – под крышу Хозяина, он скажет Владу то, что надо. И заставит того действовать так, как надо.

Это был, пожалуй, самый короткий, самый прямой путь к достижению цели.

Можно было, конечно, вступить в переговоры с Глобусом, оттеснить его, но, во-первых, кто такой Глобус в сравнении с Хозяином, чтобы вступать с ним в переговоры, во-вторых – противно, а в-третьих – слишком длинная дорога. Времени на уговоры-переговоры будет ухлопано столько, что к этой поре и Россия, глядишь, уже начнет разваливаться. И так на ладан старуха дышит... Самое простое – убрать Глобуса. Как там любил говорить мудрый вождь и учитель товарищ Сталин? «Нет человека – нет проблемы»? Так?

Так вот, нет Глобуса, и нет проблемы.

Хозяин поднял глаза, увидел, что Феня еще находится в кабинете, стоит у косяка, подпирая плечом дверь.

– Ты еще здесь? – удивился Хозяин.

– Вы не дали отбоя, поэтому я и не ушел.

– Отбой, – устало произнес Хозяин. Феня исчез.

Хозяин поглядел в окно: голые черные ветки, украшенные такими же черными прозрачными сосульками, напоминали рисунок тюремной решетки, и это вызвало у Хозяина неприятные ассоциации. Взгляда в сторону он не отвел, только сжал в одну ровную линию губы.

Самая пора поехать куда-нибудь отдохнуть, погреться, искупаться в чистой голубой воде, поплавать с маской, погла-

зеть на диковинных тропических рыб. В глазах у Хозяина мелькнуло что-то расслабленное, вспыхнули маленькие огоньки и тут же погасли – он подавил в себе желание расслабляться.

Расслабляться нельзя, стоит только один раз впустую хлопнуть ртом, как свои же подопечные и съедят, не говоря уже о друзьях и соперниках – стрескают собратья по «перу» и не поморщатся. Горчичкой намажут, соусом полиют и съедят.

– А чтобы этого не было – никакого расслабона, – проговорил Хозяин вслух, сгреб бумажки, лежавшие перед ним, в одну кучу и сунул в стол.

Дискотека у «ЛИС'Са» – место в Москве приметное. Кого тут только не встретишь! Иногда даже мелькнет лицо какой-нибудь киношной или эстрадной знаменитости, говорят, даже сам Жириновский захаживает... Впрочем, мало ли что говорят люди, язык-то – штука бескостная.

Глобус любил бывать здесь, он отдыхал здесь душой – нравился ему и главный зал, и комнатки, где можно было уединиться, и выпивка, подаваемая в барах, и модные раскованные девочки, которые сюда приходили.

В тот вечер Глобус приехал на дискотеку с двумя своими приятелями, Кизяком и Штырем. Оба были не только его приятелями, но и личными охранниками, Глобус им за это неплохо платил.

На дискотеке провели три часа. Выходили, когда Москва уже затихла, в домах были погашены окна, а дискотека продолжала греметь, сиять огнями, здесь бурлила жизнь, та самая жизнь, которую так любил Глобус.

Он обнял за плечи своих дружков-телохранителей.

– А что, братаны, не закатиться ли нам в какой-нибудь ночной кабак, не добавить ли еще граммов по сто пятьдесят чего-нибудь вкусного для лакировки? А?

«Братаны» были не против.

У выхода они задержались – увидели двух парней, взасос

целующихся друг с другом. Один был напوماжен, напудрен, покрашен – в этой паре он явно был девицей, второй, целуя, держал его за задницу. Не просто держал, а проминал ее пальцами, будто волейбольный мяч...

Глобус остановился, захохотал.

– Такого я еще не видал, – отхохотавшись, заявил он.

– Мы тоже, – дружно, в один голос произнесли охранники.

Парни, не обращая внимания на окружавших, продолжали целоваться. Глобус с интересом обошел их кругом, поцокал языком и, махнув рукой, двинулся на улицу.

– Отлакируем наши желудки и – по домам, – заявил он, вновь обхватил руками своих приятелей, повис на их плечах и вдруг почувствовал, как в лицо ему ударил жар.

Где-то далеко-далеко, в черном бездонном пространстве вспыхнула неяркая красновато-синяя звездочка, подмигнула Глобусу хитро, поманила к себе. Глобус, отзываясь на подмигивание, рванулся было вперед и в ту же секунду обвис на плечах приятелей.

Те ничего не поняли, как и сам Глобус, – он тоже ничего не понял из того, что произошло: приветливая красная звездочка вдруг отплюнулась тонким жалом, будто змея, и череп у Глобуса раскололся. Кизяк и Штырь по инерции шагнули вперед, а Глобус распластался на асфальте, задергал ногами.

Первым остановился Кизяк.

– Э, шеф, чего это с тобой? Что случилось? Перегрелся, что ли?

Штырь молча кинулся к Глобусу, приподнял его, перевернул лицом вверх. Во лбу у Глобуса, прямо между бровями, будто родовое пятно у индийской жрицы, краснела маленькая, с обожженными краями дырка.

– Ы-ыхр! – захрипело что-то у Глобуса в горле само по себе. Захрипело и тут же смолкло.

Глобус был мертв.

Штырь привстал, повертел головой из стороны в сторону, словно хотел увидеть того, кто так метко всадил в темноте пулю в лоб Глобусу, но улица была пустынна. Ощувив внезапный страх, Штырь вдруг резко отпрыгнул в сторону, в черноту. Следом за ним в черноту унесся и Кизяк.

Глобус, медленно оплывающий кровью, остался лежать на асфальте.

На следующее утро к Бейлису пришли трое очень вежливых, подчеркнуто строго одетых молодых людей с дорожками кожаными кейсами. Секретарша Бейлиса, сметливая девица с ярко накрашенными глазами, мигом сообразила, что это за люди, правда, на какое-то мгновение засомневалась: а вдруг они из налоговой полиции? Там тоже работают такие же обходительные вежливые ребята, но тут же отбросила все сомнения: она четко знала, что это за люди. На всякий случай поинтересовалась, нагнав в голос строгих учительских ноток:

– Вы к кому?

Один из пришедших, рыжеватый парень в золоченых очках, усмехнулся:

– Как будто вы не знаете, к кому мы?

– К Сергею Иосифовичу?

Рыжеватый постучал ногтем по стеклу часов, проговорил твердо, вежливо и одновременно нервно:

– Время, время, время!

Через несколько минут Бейлис уже принимал визитеров. Выглядел он невыспавшимся, злым, волосы, поблескивающие от питательного геля, тяжело рассыпались по обе стороны головы, лицо было бледным.

– Чем обязан? – хмуро спросил он.

– Сергей Иосифович, не хотите ли вы сменить крышу?

– У меня уже есть крыша.

– Кто?

Бейлис оторвал от стопки листов, лежавших перед ним в твердом кожаном чехле, один, дорогой, с просвечивающим матовым рисунком, верже, быстро написал на нем номер телефона и придвинул рыжеватому:

– Прошу!

– Сергей Иосифович, Сергей Иосифович! – укоризненно произнес рыжеватый. – За кого вы нас принимаете? – Он звонко щелкнул замками кейса, вытащил оттуда пачку фотографий, аккуратно, стопкой, положил рядом с листком верже. – Прошу! – проговорил он торжественно и как бы уточнил на всякий случай: – Вы этого господина имеете в виду?

На верхнем снимке был изображен Глобус, лежавший в неестественной позе с подогнутой под тело ногой. Бейлис протянул к снимку руку, пальцы у него мелко задрожали, по бледному лицу пробежала тень.

Рыжеватый парень, доброжелательно улыбаясь, придвинул к нему снимки:

– Не стесняйтесь. Можете ознакомиться со всей коллекцией. – Он ловко смахнул со стопки верхний снимок. На следующем снимке Глобус был изображен крупным планом – во всю фотокарточку одна только голова. Глаза, распахнутые в немом удивлении, вяло раздвинутый рот, черная полоска между чистыми белыми зубами, аккуратная красная дырка

во лбу.

– Что это? – неверяще спросил Бейлис.

– А вы сами не видите? Почил товарищ в бозе. Это так называется. Отдыхает. Его место ныне – вакантное.

– И вы пришли наниматься ко мне на работу?

– Естественно. Свято же место пусто не бывает.

– А если я вам откажу?

– Вы совершите, Сергей Иосифович, непоправимую ошибку. – На лбу у рыжеватого парня образовалась вопро-
сительная лесенка морщин. – Неужели печальный опыт гос-
подина Глобуса ничему вас не научил?

– Вас уполномочили вести переговоры по всем вопро-
сам? – спросил Бейлис.

– Абсолютно по всем.

– Тогда прошу садиться. – Бейлис указал рыжеватому пар-
ню на кресло, стоявшее у приставного, зеркально блестяще-
го от лака столика, остальным визитерам – на кресла у сте-
ны. Сам сел напротив рыжеватого. – Что ж, давайте обсудим
ситуацию.

В два часа дня рыжеватый – он был старшим в тройке визитеров – доложил Хозяину:

– Таможня дала добро!

Тот удовлетворенно наклонил голову:

– Хорошо!

Служба у Хозяина была налажена четко – как в армии. Правда, без обычной для армии дедовщины, пришибеевщины и безмозглости. За этим Хозяин следил лично. Под началом у него было ни много ни мало две тысячи человек, новейшая техника, современная связь, службы, напичканные электроникой, склады с оружием, несколько вертолетов, два самолета. Хозяйству его мог позавидовать любой «крестный отец» из западных мафий.

Он кивком отпустил рыжеватого парня. Сказал:

– Можешь взять с полки пирожок!

Это означало, что за удачно проведенную операцию тот получит премиальные – не менее трех тысяч долларов. Хозяин подумал, что Феня тоже может взять с полки пирожок – тоже достоин премии.

Отпустив рыжеватого по кличке Спаниель, Хозяин достал из стола бумажки и разложил их перед собой.

Перетасовал, будто карты, снова разложил, проговорил густо, сочно:

– Ну что ж, можно снова вступать в переговоры с любимцем публики. Посмотрим, что он скажет на этот раз. Надо было только хорошенько поработать с Бейли-сом. Разговор Феня должен провести по схеме, придуманной Хозяином. Без всяких антимоний, разлюли-рассуждений и отклонений в сторону, чтобы все было жестко, умно, четко.

Он нажал на кнопку, вызывая секретаря.

Тот беззвучно, словно призрак, возник в проеме двери.

– Феню ко мне! – приказал Хозяин. Впрочем, Хозяин выдаст Фене только формулу, модель поведения, а исполнительный головастый Феня уже «разовьет мысль», отработает детали, потом встретится с Бейлисом.

Подняв голову, Хозяин увидел, что Феня стоит в двери, возник также бесшумно, как и секретарь.

– Феня, поздравляю тебя с пирожком, – сказал Хозяин.

– Спасибо, – скромно поклонился Феня.

– Есть возможность заработать еще один пирожок.

– Почту за честь, – Феня снова поклонился.

– Доставай блокнот и ручку, – велел Хозяин, – мы сейчас с тобой обкашляем одну сюжетную линию.

Из милиции вычищались профессионалы. Их безжалостно выводили за штат, над ними издевались – пришедшие «новоделы», надевшие на себя погоны, в том числе и с генеральскими звездами, открыто плевали им в лицо:

– Послужили советской власти – и хватит! Этим въ дискредитировали самих себя.

– А разве раньше была какая-то другая власть? Такие ответы вызывали неприкрытую ярость, новоиспеченные генералы орали:

– Во-он отсюда!

У них даже помыслов не было хоть как-то сдержать себя, они и не думали, что орать, особенно на службе – неприлично. Главное – результат. А результата они достигали: опытные сыщики, «сыскари» – легендарные оперативники, о которых, как о героях Советского Союза, писали целые книги, обэхээсэсники, не дававшие чиновникам воровать, уходили. Несмотря на опыт, талант и высокие звания – среди них были и подполковники, и полковники, и даже генерал-майоры. У этих людей, в отличие от «новоделов», существовало понятие чести.

Вельский скупно улыбнулся: слово «новодел» ему нравилось. Им широко пользуются коллекционеры монет – всякую фальшивую монету, на вид очень старую, но на самом деле

только что отлитую, они деликатно называют новоделом.

Борьба дошла до того, что московской милицией взялся править один такой «новодел» – то ли геодезист, то ли картограф, то ли зубной техник. Петровка, 38, где располагалась штаб-квартира столичного управления внутренних дел, сразу поплыла, преступность в Москве резко двинулась вверх.

А зубному технику хоть бы хны, для него главное – не борьба с преступностью, главное – разогнать кадры, которые работали здесь при старой власти. Разогнать, чтобы они не могли объединиться и создать очаг сопротивления. Сопротивления «новоделу» боялись больше всего, поэтому и действовали так нахраписто.

Если бы в ситуацию 1991 года или года 1993-го вмешался хотя бы один из крупных московских заводов, тогда еще действующих, еще живых, – ЗИЛ, «Красный пролетарий» или завод малолитражных автомобилей, история России развивалась бы совсем по другому сценарию. Не было бы того, что есть, не было бы разделения на голодных и сытых, а главное, не было бы того беспредела, который правит сейчас в России. И давит, давит, давит...

По улицам, как в Гражданскую войну, бродят беспризорники. Говорят, их уже более четырех миллионов человек. Такого не было даже в Гражданскую... А сейчас эти уркаганы штурмуют московские задворки, щиплют мусорные баки, особой опасности вроде не представляют, а вот лет через десять, когда они подрастут, – превратятся в очень опасную

армию. Обозленную, совершенно неграмотную – некоторые из них вообще не знают ни алфавита, ни счета, – нацеленную только на одно – на грабежи и убийства. Если ничего не сделать сегодня, завтра Россия взвоет от них.

А проститутки! Не проверяющиеся ни у одного врача, зачумленные, затурканные мамками и сутенерами – от них же земля будет гнить! Это на Западе профессия проститутки считается чистой и вполне цивилизованной, это там дамочка чуть что – бежит к врачу, размахивая бюстгальтером, как флагом.

У нас же этим даже не пахнет. У нас пахнет другим...

Вельский неожиданно почувствовал, как у него внезапно онемела правая щека – стала чужой, холодной, он помял ее пальцами.

Потрясающая вещь: у нас в мирное время, как в войну, появилась особая категория людей – «без вести пропавшие». Только в одной Москве пропадают – без вести! – тысячи. И еще тридцать тысяч погибают от бандитских рук. Это же оглушающе гигантские цифры в сравнении, скажем, с потерями, понесенными в афганской войне. Там мы потеряли тринадцать с половиной тысяч человек – всего-то! За девять лет войны!

А тут только одна Москва теряет сто тысяч человек в год лишь «без вести пропавшими». Не говоря уже об убитых в разных разборках. Итого – сто тридцать тысяч каждый год. Без всякого ведения боевых действий. Не слишком ли доро-

гая цена за то, что московской милицией стал командовать зубной техник или – кто он там – учитель географии, нагло-тавившийся демократических идей? Тьфу!

Вельский снова помял пальцами онемевшую щеку, онемение не проходило.

«Без вести пропавшие» – обычно это тоже убитые. Людей этих выкрали, заманили в ловушку, умертвили, закопали в землю, утопили в болоте, растворили в кислоте, сожгли в огне, замуровали в бетон, их нет! Нет, а они были.

Ныне умельцы – следователи, их называют «следаками», новое словечко, раньше его не было, – не открывают уголовных дел до тех пор, пока не найдут трупа. Нет тела – нет и уголовного дела, логика неотбиваемая. Вот и числятся сотни тысяч людей в «без вести пропавших». Ни в одном государстве мира этого нет. Да и в России раньше, точнее в Советском Союзе, такого тоже не было.

Исчезни тело известного телеведущего, Влада этого, – и уголовное дело не было бы возбуждено. Все зависит от того, кто сидит в кресле генерального прокурора.

Расследованием убийства Влада занимается Генеральная прокуратура. По профессиональной принадлежности, по делению, существующему между правоохранительными структурами, Влад – ее клиент.

В разговоре с Феней Бейлис выглядел подавленным. «Из-за Глобуса он такой кислый, будто обожрался зеленых лимонов, – подумал Феня. – Господинчик этот еще не привык к потерям. А потерь у него впереди будет еще воз и маленькая тележка – считать замучается. Ай-ай-ай, как убивается товарищ!»

Феня улыбнулся широко, приветливо, показывая, что совсем не страшен, его не надо бояться, хотя про себя подумал: «Как бы не так!» – отметил, что Бейлис неожиданно сжался, усох, сделался маленьким-маленьким, будто испуганный зверек. Впрочем, в следующий миг он постарался взять себя в руки, тряхнул напомаженной головой, улыбнулся ответно и спросил сдавленным, будто ему на горло накинули петлю, каким-то птичьим голосом:

– Что будете пить? Чай? Кофе? Коньяк? Есть «Хенесси», вчера из Франции получил десяток бутылок.

– Кофе и пару стопок «Хенесси».

Когда принесли кофе, Феня поморщился: разве это кофе? Этим кофе только зубы чистить, еще, может быть, ноздри. Настоящим же напитком можно заправлять самолеты, и те будут носиться со сверхзвуковой скоростью. А вот «Хенесси» был хорош – настоящий коньяк, выдержанный, мягкий, совершенно несравнимый с разбавленным армянским «Ара-

ратом», который иногда выдают за «Хенесси»: Феня быстро опрокинул одну рюмку, затем другую, восхищенно покрутил головой и вновь придвинул обе рюмки к Бейлису:

– Душевный напиток!

Бейлис выслушал Феню молча, ни одного слова не произнес, в заключение лишь сказал:

– План принят!

– Когда пойдете к Владу? – спросил Феня.

– Откладывать это дело не буду. Сегодня договорюсь о встрече, завтра надеюсь быть у него.

– А сегодня к нему... сегодня никак нельзя?

– Влад стал большим начальником – генеральным директором телевизионного канала. К нему даже министры на подгибающихся цирлочках подкатываются. Новая должность породила новые отношения – сразу к нему не пробиться.

– А если все-таки попробовать? – Феня был настойчив.

– Попробовать никогда не вредно. Можно, конечно, но...

Влад принял Бейлиса лишь через два дня, раньше не смог. Приветливо поднялся навстречу, виновато развел руки:

– Извини, раньше никак не получалось.

– А я раньше и не надеялся.

– Ну давай, выкладывай, что там у тебя?

– Пустяки, Влад. Но очень приятные пустяки, касаются и тебя, и меня. Можем быстро стать миллионерами, а потом... потом и миллиардерами. – Бейлис лукавил: сам-то он давно был миллионером и при желании доллары мог солить в бочках, будто капусту. И этих бочек набралось бы не менее железнодорожного состава.

Улыбка медленно сползла с лица Влада, вид его сделался усталым, каким-то чужим. Он все понял и отрицательно покачал головой:

– Нет!

– Ты чего, не хочешь стать миллионером?

– Не хочу.

Бейлис не сдержался, рассмеялся, неожиданно тоненько, по-птичьи. Чудит Влад. Влад всегда отличался тем, что мыслил нестандартно. Человек, который не хочет стать миллионером, – это нестандартный человек.

– Влад... – начал Бейлис вкрадчиво, медовым голосом, но Влад резко оборвал его:

– Не надо меня обрабатывать, даже не начинай! Если других дел нет, извини, старик. У меня же этих дел – выше крыши.

«Выше крыши» – какое современное выражение! «Крыша» вообще очень модное слово. Бейлис, все же надеясь на благополучный исход разговора, улыбнулся и попробовал сделать еще одну попытку:

– Влад, давай сядем на десять минут с бумажками в руках и все прикинем – ты поймешь, насколько тебе лично будет выгодно то, что я собираюсь тебе предложить.

– Мне – да, я в этом не сомневаюсь, а вот телеканалу – нет.

– Да наплюй ты на канал!

– Не могу.

– Ты посмотри, что в Кремле, в ельцинской команде делается: соревнуются друг с другом – кто больше хапнет.

– И когда-нибудь получают соответствующие сроки: хапнувший больше получит больший срок, хапнувший меньше и сидеть будет меньше.

– Ты сумасшедший, Влад! Эти времена уже прошли.

– Это только кажется, что они прошли. Эти времена еще вернутся.

– Нет, Влад, я решительно тебя не понимаю.

– И не надо! – Голос Влада сделался холодным, враждебным, он колюче глянул на Бейлиса. – Извини, Сережа, твое время истекло.

– Значит, ты говоришь «нет»? Это что, окончательно?

– Говорю окончательно «нет». Рекламой я буду заниматься сам, лично. – Усы у Влада раздвинулись в усмешке, и Бейлис разглядел в этой усмешке что-то оскорбительное для себя. Голова у него дернулась сама по себе, произвольно, лицо выразило сожаление и тут же угасло, стало бесстрастным, тяжелые блестящие волосы, также словно сами по себе, взметнулись вверх небольшим черным облачком и опали.

Бейлис повысил голос:

– Влад, одумайся! Ты чего, перекурил какой-нибудь индонезийской травки или перепил ханки? Одумайся! Ты рискуешь!

– Другого ответа у меня нет, – сказал Влад. – Давай завершать разговор. Другого ответа просто не будет.

За окном плыл, пластаясь слоями, угрюмый вечерний сумрак.

Заканчивался очередной день, а дел у Влада было еще невпроворот, целая гора, суток не хватало, чтобы справиться даже с частью их. И гора дел с каждым днем росла. Влад не знал, что с этой горой делать.

Он уже чувствовал опасность, чувствовал своей кожей, спиной. Он уже начал избегать темных коридоров, пустынных кабинетов, вообще безлюдных мест, ему казалось, что именно из гулкой щемящей пустоты, как из черной дыры, должен прозвучать выстрел в спину. В его спину...

Хозяин, услышав об отказе Влада, насупился, задумчиво помял пальцами одну щеку, потом другую и произнес, сморщив губы:

– Блин!

Подумал о том, что, может быть, надо поискать еще одного уговаривальщика, раз у Абросимова с Бейлисом ничего не получилось, но тут же отказался от этой мысли: хватит уговаривать!

Время уговоров прошло, надо переходить на другой язык, более действенный.

Позвал своего подопечного:

– Феня!

Удивился тому, какой слабый у него неожиданно стал голос. Обычно сочный, картинно густой, актерский, он вдруг ослаб, сделался каким-то дырявым, чужим. Хозяин недовольно дернул головой: еще не хватало давать слабину... Позвал вновь, громче:

– Феня!

Он словно бы забыл, что есть звонок, стоит только надавить на блестящую гладкую пуговку, как тут же задребезжит пространство за стеною комнаты, в которой он находился, и на пороге появится лощеный секретарь с прической, как у молодого Алена Делона. Один кивок – и он расстарается, вы-

полнит любое поручение, кого угодно достанет из-под земли...

Вновь позвал слабым, словно чужим голосом:

– Феня!

Существуют, видно, некие флюиды, волны, распространяющиеся в пространстве. Феня, находясь в совершенно другой части огромной квартиры, в комнате, где было открыто окно, выходящее на шумную Тверскую улицу, услышал зов Хозяина. Его словно что-то подтолкнуло, и он поспешно понесся на зов, прыгая из одной комнаты в другую.

– Хозяин, вызывали? Хозяин колюче глянул на него:

– Мог бы поторопиться!

– Да тут в квартире расстояния такие, что нужно мотоцикл иметь для того, чтобы поторопиться. Из одной комнаты в другую добираться, знаете, сколько приходится?

– Ладно, не критикуй... Критикан! Что будем делать с Владом?

– Как что? Он – такой же, как и все. Раз ничего не понял, раз на плечах нет башки, значит, путь один. – Феня провел пальцем себе по горлу.

– Не могу. Влад – любимец народа, а я народ обижать не хочу.

Феня хотел сказать, что он уже слышал это от Хозяина, но не посмел, пробормотал лишь виновато и одновременно уговаривающе:

– Другого выхода, Хозяин, нет. Не-ту.

Хозяин жалобно сморщился.

– Вечно ты говоришь гадости.

– Но это действительно так, Хозяин.

– Ладно, дай, я подумаю еще минут десять, – сказал Хозяин, продолжая жалобно морщиться. – Через десять минут заходи ко мне.

Феня зашел к нему ровно через десять минут и увидел Хозяина таким, каким привык видеть всегда, – уверенным в себе, с веселым, чуть хмельным взглядом и ироничной улыбкой, прочно припечатанной к губам.

– Приступай к ликвидации, Феня, – густым, сочным голосом произнес Хозяин.

Феня понимающе наклонил голову и исчез.

На ликвидацию Влада Феня подрядил бригаду, которой командовал человек жесткий, волевой, бесстрашный, веселый по фамилии Кошкoderов, по прозвищу Кошак. Он очень прилично владел приемами карате – имел коричневый пояс, стрелял на звук, навскидку пробивал из «ТТ» подброшенную монету, был сообразителен. В общем, числился у Хозяина на хорошем счету.

Получив приказ о ликвидации Влада, Кошкoderов произнес с неожиданной улыбкой:

– Давно пора.

– У тебя что, с Владом какие-то личные счета? – спросил Феня.

– Нет, просто он мне неприятен. Когда вижу его на экране ящика, то ящик выключаю.

– А вот Хозяин минут двадцать маялся, все решал шекспировский вопрос – быть или не быть, пока не решил: быть!

– Люблю нашего Хозяина, – искренне произнес Кошкодеров.

– За что? – вкрадчиво спросил Феня.

– За это вот самое... За сомнения, за обдумывания. А потом, когда сомнения кончаются, рубит разом. И решений своих не меняет.

Если Феня в группировке Хозяина имел «генеральский» чин, то Кошкодеров был «полковником», так что Феня на иерархической лестнице стоял на целую ступеньку выше.

Взгляд у Кошака был быстрый, какой-то тигриный, отсекающий – взглянет в упор на человека и тут же отведет глаза в сторону – поймать его взгляд было невозможно.

– Мне самому заняться этим делом, или я могу поручить кому-нибудь еще? – спросил он.

– Смотри, Кошак, если Хозяин узнает, что ты задавал мне такой вопрос, он тебе не только пупок отвинтит – голову срубит.

– Понял, – сказал Кошак и опустил голову.

Для проведения операции Кошак отобрал пять человек.

После убийства Влада трое боевиков в ту же ночь выехали на машине в Ялту, там среди кипарисов и пирамидальных тополей, среди цветущей мимозы – в Ялте уже была настоящая весна – у группировки Хозяина имелось несколько дач. Двое, те самые, что стреляли, вылетели в Израиль, им надо было отойти от нервного потрясения – все-таки завалили самого Влада, личность, известную всей России... А это на нервы действует ого-го как, даже если до этого ты две тысячи раз успешно нажимал на спусковой крючок пистолета...

Сам Кошак тоже было устремился в Израиль – хорошо бы поплавать в Мертвом море, подлечить нервы, поухлестывать за обольстительными деваками, которые слетаются туда со всего мира, – но Хозяин протестующе поднял указательный палец:

– Посиди пока в Крыму, пригляди за ребятами – как они будут себя вести... А вдруг?

– Но за теми, кто в Израиле, тоже надо будет присмотреть, Хозяин!

– За теми присмотрят другие, это не твоя забота...

Хозяин знал что говорил.

Тем временем по Москве прокатилась серия заказных убийств. Некоторые из них были настолько загадочны и выполнены так мастерски, что до сих пор считаются несчастными случаями.

Параллельно с Бейлисом на Влада наседали еще один рекламный деятель – Глеб Бокий, однофамилец и тезка одного известного московского чекиста двадцатых годов, глава торгово-промышленной группы «БСГ», которого поддерживал, как выразилась одна популярная газета, крупный нефтегазовый банк, а также «шумная фракция Госдумы». Они встретились, все обговорили. Влад был подавлен разговором.

«По сути это был «наезд», – писала газета «Совершенно секретно». – Выходя на улицу, Влад обронил: «Так разговаривать нельзя». В ответ так ничего и не понявший Бокий весело брякнул, садясь в машину: «Останкино мы уже поделили, и я в доле!»

Через день после переговоров на улице Спартаковской «кадиллак» Бокия был продырявлен шестью выстрелами из «ТТ». Для верности в машину бросили еще и гранату. Бокий скончался на месте. Совместными усилиями 92-го отделения милиции и Басманной межрайонной прокуратуры изобличили исполнителя – некоего Герасимова...

Рекламное наследство убитого Бокия досталось Сергею

Бейлису.

Следом был убит руководитель фирмы «Варус-видео» Г. Топадзе, имевший шесть с половиной процентов доли в жирном рекламном пироге канала, которым руководил Влад.

Эта доля также отошла к Бейлису.

Бейлис, как бегун, наращивающий скорость, резко пошел в отрыв.

Летом было совершено покушение на главу «Лого-ВАЗ-пресса» Бориса Березовского, который также имел на канале рекламное время. Покушение не удалось. Такого зубастого магната, как Березовский, хорошо знающего нравы своей среды, взять голыми руками или обычной гранатой невозможно – поэтому надо было бить по меньшей мере из гаубицы либо заминировать его машину тяжелым зарядом, как раньше минировали мосты.

В региональное управление по борьбе с организованной преступностью тем временем пришел продюсер группы «Комбинация» Александр Шишенин, который пожаловался, что его плотно обложили люди Бейлиса, – Бейлис разросся, родил целую империю, под его рукой находилось несколько крупных фирм, угрожали... Спасти Шишенина рубоповцам не удалось, продюсера зарезали.

Стало также известно, что на квартире Влада и Алины, той, что была расположена на Новокузнецкой улице, 30 (у Влада, как выяснилось, имелось другое жилье), незадолго до гибели телеведущего творились непонятные вещи с теле-

фоном: то его неожиданно отключали, то перебрасывали на другую линию, то ни с того ни с сего появлялся мастер в форменной блузе и начинал ковыряться в щитке.

Как выяснилось, Влада несколько раз предупреждали: рекламный передел, который он затеял, кончится для него смертью. Влад от предупреждений отмахнулся – то ли действительно не боялся, то ли был уверен, что напасть на него не посмеют.

За два месяца до своей гибели он вообще объявил, что на его канале рекламы не будет. Впрочем, это было обычным лукавством, игрой. Какой же дурак откажется от рекламы, от дармовых денег – да еще в таком количестве? А Влад был не дурак.

Тем не менее двадцатого февраля он провел собрание среди сотрудников канала и объявил во всеуслышанье: «Рекламная лавочка закрывается! Все! Хватит!» Влад был раздраженный и очень усталый одновременно.

Знающие люди мигом сообразили, что рекламным временем на канале теперь будет распоряжаться только одна фирма – фирма Влада. Хотя весь рекламный пирог на канале в ту пору делили, вернее продолжали делить четырнадцать агентств, каждое из которых было влиятельным, каждое могло и киллера нанять, и соперника утопить, и купить любого чиновника, вплоть до «самого-самого-самого»...

Все четырнадцать агентств начали смотреть на Влада примерно так же, как энкавэдэшники смотрели в тридцать седь-

мом году «на врагов народа».

В печать просочились слухи, что от Влада потребовали отступные – чудовищную сумму в сто миллионов долларов, которых у него не было. Влад в ответ только усмехнулся:

– За такие деньги я и сам могу где угодно купить эфирное время... и сколько угодно. Мне не откажут.

Газета «Аргументы и факты» подготовила «убойный», как принято говорить у журналистов, материал об убийстве Влада. Центральной фигурой этого материала являлся Сергей Бейлис со своими рекламными и прочими делами. Видать, автор статьи Александр Какоткин слишком близко подошел к истине, к тайнам Бейлиса – накануне выхода статьи была обстреляна дача главного редактора «Аргументов и фактов», а его жене позвонила одна довольно словоохотливая мадам, назвавшаяся гражданкой Пугачевой, которая от имени неких «заинтересованных лиц» требовала прекратить журналистское преследование «талантливого продюсера Сергея Бейлиса». Материал был снят из номера.

Какоткин из газеты уволился и через некоторое время попал в автомобильную аварию, явно подстроенную. У него на ходу отказало управление, хотя машина была надежная. Скорость Какоткин набрал приличную, поэтому чудом остался жив. С тех пор он старается на машинах не ездить.

Вскоре при странных обстоятельствах, очень схожих с теми, в которые угодил на своей машине Какоткин, погиб сотрудник следственной группы, занимающейся убийством

Влада, подполковник милиции Сычев.

Крови вокруг рекламного пирога оказалось намешано и разлито столько, что ее можно было поставлять в зону боевых действий для переливания раненым – тысячи людей можно было бы спасти.

Кровь продолжала литься. О чем, собственно, и предупреждали Влада.

Вскоре из окна выпал заместитель Березовского в «ЛогоВАЗе» Гафт. По мнению специалистов, этот «несчастный случай» имел прямую связь с рекламными разборками на телевидении.

Фамилия Хозяина иногда тоже попадала в газетные статьи, но это было редко – он умел прятаться от журналистов, а тех, кто все-таки выходил на его след, уводил в сторону и пускал по ложному руслу.

В результате таких журналистских поисков случайно всплыл посредник между Хозяином и новыми телевизионными воротилами – по кличке Цыган, который был знаком и с Владом. В тот же день, когда вышла статья, засветившая его, Цыган был убит.

Время спрессовалось, сделалось страшным, цвет у него стал одним – красным, цветом крови. Происходило то, что в России никогда, даже в самую лютую пору, в тридцать седьмом, не происходило.

Разборки продолжались.

Вельский много размышлял о том, как остановить накат преступности в России. Рецептов, в принципе, немного – не раз, два и обчелся, но очень немного. Можно, например, на наползающий железный вал, плюющийся кровью, пустить встречный вал, такой же беспощадный... Мера, конечно, жестокая, но действенная. Правда, придется наплевать на все советы сытой Европы по части смертной казни. Запрет на смертную казнь, введенный Ельциным в угоду своим западным партнерам по встречам без галстуков, надо снять. Хотя бы на время.

Впрочем, Вельский видел, что президент часто бывает слеп – и не только потому, что окружил себя сомнительными людьми, приблизил к кремлевскому холму родственников, в частности младшую дочь, в результате чего в высоких коридорах стало пахнуть кухней, помоями и подгорелыми котлетами, но и из-за того, что принимает свою мнимую дружбу с Колем, Клинтон и другими «сильными мира сего» за подлинную. Те над ним смеются, а президент этого не видит.

Вельскому было обидно.

Недавно к нему попала одна американская газета. На первой полосе на самом видном месте было изображено фото вдребезги пьяного российского министра обороны с обвисшим лицом, которого волокли на себе из самолета в посоль-

скую резиденцию в Вашингтоне двое слуг в штатском – адъютант и ординарец. Или кто-то еще. Фото было сделано в тот день, когда министр обороны прибыл в Штаты с официальным визитом. Он не смог даже самостоятельно дойти от трапа до машины – не держали пьяные ноги. Надпись, сделанная под фотоснимком, гласила: «Второй стакан России». Если министр обороны был «вторым стаканом России», то без всяких слов понятно, кто первый.

Вельский поморщился: было больно и обидно это читать. Нет, он в корне не согласен с американцами. Слишком резко! Все-таки министр обороны представлял великую страну...

Справиться с тем, что происходит в стране, с накатом уголовщины нынешний президент не сумеет – он сам потихоньку скатывается в уголовное болото, его самого уже можно судить...

Горько было Вельскому, он считал себя рядовым гражданином своей страны, и таких, как он, в России было много, Вельский это знал. Но... не видно света в конце тоннеля.

Демократы избрали себе жупелом не только коммунистов и партию, в которой они раньше состояли, избрали мишенью мертвого человека – Ленина и бесились оттого, что не могли его побороть. В Кремле уничтожили его кабинет, вышвырнули личные вещи... Плюнули в лицо истории, которая оказалась не такой светлой, как им хотелось бы. Начали вести разговоры, уже придавленные спудом времени, что

Ленин был агентом германского генштаба, совмещал в себе жестокость с детской ласковостью, был сказочно богат, хотя в наследство от себя оставил лишь два потертых костюма, пару стиранных-перестиранных сорочек и так далее. Не желали даже слушать о том, что он работал сутками напролет, с утра до утра.

Забыли господа демократы истину, которую однажды очень кстати произнес Расул Гамзатов: с историей шутить нельзя, это опасная штука. Если человек выстрелит в прошлое из пистолета, то будущее обязательно выстрелит в него из пушки.

«Второй стакан России» отличился не менее «первого» – пообещал одним десантным полком взять столицу взбесившейся Чечни за пару часов и в результате развязал кровавую войну, очень затяжную – в ближайшем столетии она вряд ли закончится. Даром что ли сиятельный собутыльник назвал Грачева «лучшим министром обороны»?!

Но вернемся к преступности. При Сталине, сразу же после войны, страну также накрыл вал преступности. Накрыл с головой – казалось бы, из него не выбраться. Все, конец! Но Сталин придавил этот вал очень просто – силой. Сделал то, что может сделать любой правитель в своей стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.